
18+
Сергей Барсуков
МАРГАРИТА
И МАСТЕР
Spin-off

Сергей Барсуков

Маргарита и Мастер. Spin-off

«Издательские решения»

Барсуков С.

Маргарита и Мастер. Spin-off / С. Барсуков — «Издательские решения»,

Тьма, рожденная в перегретых серверных дата-центров на окраине Бескудникова, опустилась на Москву июльской ночью две тысячи какого-то там года. Она пахла озоном от работающих кондиционеров, остывающим асфальтом Третьего транспортного кольца и синтетическим ванилином с фабрики «Красный Октябрь». Город больше не страдал от жары Понтия Пилата. Он задыхался от выхлопов каршеринга и бесконечных уведомлений в мессенджерах. На Патриарших прудах было безлюдно.

© Барсуков С.
© Издательские решения

Содержание

Маргарита и Мастер 6
Часть I 6
Пролог 7
Глава 1 9
Кабинетный синдром 9
Глава 2 12
Код доступа «Культура» 12
Глава 3 16
Дьявол носит Prada и платит за ужин 16
Глава 4 20
Палата №666, или Побочный эффект нейролептика «Булгаков» 20
Глава 5 24
Синхронизация с Преисподней (Version Control Failed) 24
Глава 6 27
Критик и Омлет (Газетная утка под соусом деми-гляс) 27
Глава 7 31
Парилка с поправками (Юридическая эквилибристика) 31
Глава 8 35
Тепловой удар по системе (Ошибка 404: Зима близко) 35
Глава 9 38
Капитан и Баранки (Ординарность как высшая форма защиты) 38
Глава 10 42
Поэзия высоких давлений (Блок и вентиль) 42
Глава 11 46
Сандуны: Овощной апокалипсис и веник возмездия 46
Глава 12 50
Уведомление о выселении (Эфирное правосудие) 50
Глава 13 53
Пени за бессмертие (Договор оферты с кровью) 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Маргарита и Мастер
Spin-off

Сергей Барсуков

«Моим внукам: Даниилу, Еве, Ксении и Юлии — посвящаю!»

Иллюстратор Публичная оферта от «26» сентября 2026 года. MashaGPT

© Сергей Барсуков, 2026
© Публичная оферта от «26» сентября 2026 года. MashaGPT, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-7876-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

С юридической точки зрения, написать продолжение романа «Мастер и Маргарита» возможно. Согласно законодательству Российской Федерации (Гражданский кодекс РФ), исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и 70 лет после его смерти. Михаил Булгаков умер в 1940 году, следовательно, срок охраны авторских прав истекает 31 декабря 2010 года. С 1 января 2011 года роман перешел в общественное достояние с точки зрения имущественных прав.

Это означает, что любой желающий может:

— Писать спин-оффы или прямые продолжения сюжета.

— Использовать персонажей (Мастера, Маргариту, Воланда, Бегемота) и мир произведения для создания новых текстов.

— Публиковать эти тексты без получения разрешения от наследников писателя.

Михаил Булгаков — автор оригинального произведения, Сергей Барсуков — автор продолжения.

Маргарита и Мастер

Часть I

Пролог

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город летним вечером двадцать второго года. Нет, не так. Тьма, рожденная в перегретых серверных дата-центров на окраине Бескудникова, опустилась на Москву июльской ночью две тысячи какого-то там года. Она пахла озоном от работающих кондиционеров, остывающим асфальтом Третьего транспортного кольца и синтетическим ванилином с фабрики «Красный Октябрь». Город больше не страдал от жары Понтия Пилата. Он задыхался от выхлопов каршеринга и бесконечных уведомлений в мессенджерах.

Но именно в такую душную полночь, когда спальные районы погружаются в тревожный сон под вой автосигнализаций, а центр пульсирует неоновой кровью круглосуточных баров, случаются самые странные вещи.

На Патриарших прудах было безлюдно. Фитнес-блогеры уже закончили свои ночные пробежки, выкладывая сторис с подсвеченными наушниками AirPods Pro. На скамейке у самой воды сидели двое. Первый, одетый в безупречно скроенный льняной костюм цвета слоновой кости (купленный явно не на маркетплейсах), лениво чертил тростью с серебряным набалдашником по пыльному гравию. Второй был облачен в бесформенное худи оверсайз кислотно-зеленого цвета, широкие штаны-карго и массивные кроссовки. Его лицо скрывала черная балаклава, сдвинутая так низко, что виднелись только воспаленные глаза и торчащие провода беспроводных наушников.

— Аннушка, Иван Николаевич, — мягко проговорил человек в льне, не поворачивая головы. — Уже купила то самое масло. Подсолнечное. Нерафинированное. И разлила его аккурат перед поворотом электросамоката курьерской службы. Курьер, кстати, везет бургеры тому самому чиновнику из Департамента культурного наследия, который завтра подпишет отказ вашему другу на реставрацию особняка. Замкнутый круг потребления, Ваня. Символизм эпохи.

Поэт-рэпер Бездомный вздрогнул. Балаклава съехала еще ниже.

— Слушай, Азазелло… или как тебя там? Я этот трек про масленицу зарелизить хотел. Бит качает, панчи жесткие. А ты мне тут Булгакова включаешь. Нео-готика какая-то. Давай конкретику. Мне нужен флоу, понимаешь? Дроп! Чтобы зал встал!

Человек в костюме медленно повернулся. Правый глаз его вспыхнул желтым, кошачьим огнем, отразившись в темных очках Ивана.

— Будет тебе дроп, поэт. Такой, что алгоритмы рекомендаций сойдут с ума. Но сначала скажи мне, веришь ли ты в существование чистого искусства в мире, где даже чувства продаются через таргетированную рекламу?

Иван стянул балаклаву, обнажив бритую голову с заживающим шрамом от недавнего сеанса установки нейрочипа.

— Искусство мертво, дядя. Есть только контент. Либо ты качаешь толпу, либо идешь мыть полы в кальянную. У меня альбом горит, лейбл требует релиз до конца квартала. Если я не выдам платиновый статус, они заберут мой псевдоним. Останусь просто Коля из Бирюлева.

— Колю из Бирюлева мы оставим в прошлом, — усмехнулся собеседник. — Как и твой лейбл. Смотри.

Он щелкнул пальцами. Экран смартфона Ивана, лежащего на скамейке, внезапно погас. А затем на нем сама собой открылась страница музыкального сервиса. В графе «Топ-чарт России» на первом месте стоял трек «Масло на плитке (Intro)». Исполнитель — Бездомный. Количество прослушиваний росло в реальном времени: 999…888…777…

— Это читерство, — прошептал Иван, сглатывая. — Так нельзя. Мои фанаты…

— Твои фанаты хотят хлеба и зрелищ, — перебил его человек в льне. — Ты им их дашь. А теперь слушай внимательно. Завтра утром в клинику профессора Стравинского поступит новый пациент. Назовем его Мастером. Ему нужна Муза. Настоящая. Та, что умеет любить вопреки ипотекам, кредитным историям и отсутствию московской прописки. Найди ее. Приведи к нему. Иначе твоему чарту конец, а вслед за ним — и твоей бренной оболочке. Свободен. Твой убер-эскорт подъезжает.

Из-за поворота, нарушая все правила ПДД, вылетел черный Rolls-Royce Cullinan с матовыми дисками. Задняя дверь распахнулась сама. Иван, пошатываясь, побрел к машине, на ходу пытаясь сохранить в заметках текст нового трека, который сам собой начал звучать прямо у него в голове.

Как только внедорожник скрылся в клубах пыли, на аллее появилась женщина. Ей было около тридцати, одета она была вызывающе неуместно для ночной прогулки: тяжелые мартинсы на ногах, драные на коленях черные джинсы и мужская белая рубашка, небрежно заправленная лишь наполовину. На шее висел потертый кожаный ошейник с маленьким золотым медальоном в форме пуделя. В руках она сжимала ключи от квартиры — связку, увенчанную тяжелым латунным брелоком в виде черепа.

Она остановилась ровно напротив скамейки.

— Опять без приглашения, Воланд? — голос Маргариты был хриплым от сигарет и бессонницы. — Вы же знаете, Николай Иванович сейчас работает. У него дедлайн. Издательство грозит неустойкой за роман о сталинских репрессиях, если макет не уйдет в печать в понедельник.

Воланд отложил трость и похлопал ладонью по нагретому дереву скамьи рядом с собой.

— Садитесь, королева. Ваш Мастер пишет о мертвом прошлом, потому что боится смотреть в живое настоящее. А настоящее, моя дорогая, выглядит вот так.

Он протянул ей свой смартфон последней модели. На экране светилась новостная лента. Заголовок гласил: «Коррупционный скандал в Департаменте ЖКХ: элитные гробы для бродячих животных списали как урны для голосования». Ниже шла фотография улыбающегося мужчины в дорогом пиджаке. Маргарита узнала его — это был один из спонсоров благотворительного фонда, куда она жертвовала деньги, спасаясь от пустоты своей роскошной, но абсолютно бессмысленной жизни с мужем-чиновником.

— Они украли даже милосердие, — тихо сказала она.

— Именно! — воскликнул Воланд, и его глаз снова полыхнул желтизной. — Милосердие украдено, любовь обесценена фьючерсными контрактами, а творчество загнали в клетку KPI[1]. Вашему Мастеру нужны не тишина и покой, Маргарита. Ему нужен бал. Настоящий Сатанинский бал. Где гости будут говорить правду. Хотите спасти своего гения? Будьте хозяйкой этого бала. Вам всего лишь придется немного полетать над Сити и разбить пару окон в башне «Федерация».

Маргарита посмотрела на темные воды пруда. Там, в черной глубине, отражались не звезды, а красные габаритные огни беспилотных такси.

— Что нужно сделать? — спросила она, не глядя на собеседника.

— Для начала, — Воланд достал из воздуха маленькую золотую баночку с кремом, — примите ванну. Крем сегодня особенно хорош. Дарит молодость, неуязвимость и умение проходить сквозь турникеты метро по социальной карте льготника. Вперед, королева. Москва ждет свою королеву ночи.

[1] KPI (Key Performance Indicators) — это ключевые показатели эффективности

Глава 1

Кабинетный синдром

Место действия: Двухкомнатная квартира-студия на сорок втором этаже башни «Око» в Москва-Сити. Время действия: 14:30, вторник.

Солнце здесь никогда не заходило. Оно всегда стояло справа, слепя через панорамное остекление во всю стену, и требовало постоянной работы жалюзи с электроприводом. Воздух внутри был стерильным, профильтрованным и стоил дороже квадратного метра в Капотне. Пахло деньгами, озоном и едва уловимым ароматом отчаяния.

Мастер сидел в эргономичном кресле из беленой кожи. На нем были только старые вельветовые брюки темно-синего цвета, протертые на коленях до основы, и голое тело. Босые ноги стояли на ледяном керамограните. Перед ним мерцали три монитора Ultrawide. На левом — открытый файл рукописи под названием «Понтий_финал_v2.docx», где курсор издевательски мигал в конце пустой строки. На центральном — таблица Excel с графиком выплат по ипотеке за эту квартиру, где сумма долга выделялась кроваво-красным цветом. На правом — Telegram-канал[2] анонимного литературного критика «Злой Читарь», поливающего грязью современную прозу.

Мастер провел ладонями по лицу. Лицо было серым, с трехдневной щетиной, которую он забывал сбрить. Глаза, окруженные сеткой морщин, смотрели в никуда. Он написал гениальный текст. Роман, который препарировал душу современного бюрократа, показав его не монстром, а мелким, трусливым заложником системы электронных очередей и согласований. Текст приняли в крупнейшее издательство. Выплатили аванс. Аванс ушел на первый взнос за этот стеклянный гроб. А вдохновение ушло вместе с ним.

Его коммуникатор на столе издал звук упавшего в воду камня — фирменный рингтон входящих сообщений от жены.

Сообщение от «Любимая Жена»:

«Коля, я задержусь. Совет директоров затянули. Потом ужин с партнерами из Эмиратов, там какой-то шейх, надо очаровать. Ешь без меня, ужинай. В холодильнике есть стейк из вагю. Разогрей на оливковом. Люблю. Целую, графики».

Мастеру не хотелось ни стейка, ни графики. Ему хотелось дешевой водки в пластиковом стаканчике и разговора с кем-то, кто не считает слова ROI[3] и EBITDA[4] смыслом существования. Он закрыл ноутбук. Мониторы погасли, превратив панорамное окно в огромное черное зеркало. Из зеркала на Мастера смотрел уставший старик в нелепых штанах.

Раздался дверной звонок. Протяжный, двух тональный, имитирующий бой курантов Спасской башни — стандартная настройка премиальных ЖК[5].

---

[2] Telegram остаётся ключевой площадкой для инфлюенс-маркетинга, несмотря на эпизодические технические ограничения. В 2026 году ФАС России заявила: размещение рекламы в Telegram подпадает под запрет согласно ч. 10.7 ст.5 закона «О Рекламе».

[3] ROI (Return on Investment) — это коэффициент возврата инвестиций

[4] EBITDA (Earnings Before Interest, Taxes, Depreciation, and Amortization) — это финансовый показатель, который отражает прибыль компании до вычета налогов

[5] Жилой комплекс

Мастер никого не ждал. Служба клининга приходила по четвергам. Доставка продуктов — ежедневно, но они открывают сами через приложение замка. Кредиторы обычно пишут письма.

Он подошел к входной двери и посмотрел в экран домофона. Камера, встроенная в косяк, давала идеальный Full HD[6] обзор площадки. Там стояла женщина.

Детализация одежды поражала воображение при таком качестве матрицы. На ней было винтажное пальто из плотного сукна мышиного цвета, перешитое из шинели времен Великой Отечественной — такие продавались в концепт-сторах за безумные деньги. Под пальто виднелось простое черное платье-комбинация из шелка. Никаких украшений, кроме тонкой цепочки. Обута она была в стоптанные мужские рабочие ботинки Dr. Martens, покрытые белой пылью строительной известки. В руках она держала холщовую сумку-шоппер, на которой вручную был вышит желтый знак — зажженный фонарь. Лицо женщины было бледным, губы плотно сжаты, а взгляд, направленный точно в объектив камеры, выражал абсолютную, всепоглощающую уверенность.

— Кто там? — спросил Мастер в интерком, хотя прекрасно видел ее.

— Откройте, пожалуйста, Николай Иванович, — произнесла она низким, грудным голосом. — Я ваша новая соседка сверху. Кажется, у меня протекает стиральная машина. Ваша люстра начинает подозрительно моргать. Я принесла вам полотенца, чтобы вода не испортила паркет.

Это была ложь самого высокого сорта. Никакой стиральной машины у соседей сверху быть не могло — там располагалась закрытая лаунж-зона резидентского клуба. Мастер почувствовал, как вдоль позвоночника пробежал холодок, не имеющий ничего общего с работой кондиционера.

— У нас нет соседей сверху, — ответил он, нажимая кнопку открытия дверей. — Сорок третий этаж — технический.

Замок щелкнул. Мастер отступил вглубь коридора. Женщина вошла. От нее пахло дождем, гарью и чем-то неуловимо сладким, напоминающим запах крема после бритья, которым пользовался Воланд на Патриарших.

Она окинула взглядом кабинет-музей потребительства. Провела пальцем в грубой вязаной перчатке по столешнице черного дерева. Палец остался идеально чистым.

— Чисто, — констатировала она. — Стерильно. Как в операционной. Здесь невозможно родиться ничему живому, Николай Иванович. Только умереть от тромбоза.

— Меня зовут Мастер, — неожиданно для себя сказал он. Голос сел. — И я не Николай Иванович. Мой застройщик продал мою биографию маркетинговому отделу для рассылки. Зовите меня просто сумасшедшим.

Женщина сбросила тяжелое пальто прямо на дорогой итальянский пуф. Платье-комбинация оставляло открытыми плечи удивительной красоты — гладкие, белые, но с тонким переплетением мышц, говорящим о скрытой силе. Она подошла к столу и взяла в руки распечатанную на принтере первую главу его романа.

— «Тьма, пришедшая со Средиземного моря…» — прочитала она вслух. — Вы начали переписывать классику? Смело. За такое сейчас отменяют контракты быстрее, чем за харассмент.

Она положила лист обратно. Ее пальцы случайно коснулись кисти Мастера. Прикосновение обожгло его током. Все пиксели выгоревших мониторов, вся цифровая пыль этого мира вдруг осыпалась. Он увидел перед собой не «соседку», не жену партнера по бизнесу и не охотницу за богатыми мужчинами. Он увидел ту, ради которой стоит сжечь не только рукописи, но и весь этот сверкающий ад кредитного рабства.

---

[6] Full HD (Full High Definition) — это разрешение экрана, которое составляет 1920×1080 пикселей

— Вы промокли, — хрипло сказал Мастер, указывая на влажное пятно на плече ее платья.

— Летать в дождь — дурная примета, — она впервые улыбнулась, и эта улыбка разрушила стеклоочистители в его душе. — Но я люблю нарушать условия пользовательского соглашения с реальностью. Вас подвезти? Куда-нибудь, где кофе варят в турке на песке, а официант не спрашивает номер вашей скидочной карты?

Мастер посмотрел на мигающий красным график ипотеки. Посмотрел на закрытую вкладку недописанного романа. Затем он взял с крючка у двери единственное дорогое, что у него осталось от прошлой, настоящей жизни — потертую кожаную куртку пилота.

— Закройте сессию, — бросил он своему умному дому. — Свет, полная тьма. Кондей, восемнадцать градусов. Режим «похороните меня в этом стекле».

Квартира погрузилась во мрак, освещаемый только красными диодами аварийного выхода. Мастер накинул куртку поверх своих вельветовых рубищ.

— Меня зовут Маргарита, — сказала женщина, застегивая свое суконное пальто. — И нам пора устроить небольшой дебош в бухгалтерии мироздания.

Они вышли в коридор. Автоматические двери лифта разъехались с тихим вздохом. Внутри кабины, выполненной в стиле, хай-тек, висело огромное зеркало. Мастер мельком взглянул в него. Рядом с невысокой, растрепанной женщиной в грубых ботинках стоял высокий мужчина с лицом человека, которому только что аннулировали смертный приговор.

Двери закрылись, отрезая их от сорок второго этажа, белого шума города и цифровой клетки.

Кабина неслась вниз, игнорируя попутные вызовы с этажей инвестфондов и нотариальных контор. Желтые цифры стремительно сменялись: 42… 41… 40… На отметке «-2», уровне паркинга бизнес-класса, лифт дернулся и замер между этажами. Красный индикатор тревоги замигал, динамики прохрипели: «Техническая неисправность. Сохраняйте спокойствие». Но вместо запаха плавящейся проводки кабину мгновенно заполнил густой аромат крепчайшего турецкого кофе и серы. Зеркало на стене пошло рябью, как поверхность воды. Из глубины амальгамы шагнула фигура огромного роста в полосатом дорогом костюме perfect-tailoring, но с тростью, набалдашник которой представлял собой точную копию головы Берлиоза.

— Застряли, господа хорошие? — басом осведомился котоподобный субъект, поправляя бабочку. — Ничего, ничего. Мы воспользуемся запасным выходом. Азазелло, будь добр, выбей ногой сервисный люк. Нам в ресторан «Пушкинъ», дамы и господа. Там сегодня дают отличную уху, а критик Латунский подавился собственной рецензией. Самое время обсудить бюджет вашего грядущего дебоша. Следующая станция — «Чистые пруды», конечная для вашей совести.

Глава 2

Код доступа «Культура»

Место действия: Особняк купцов Смирновых в Подсосенском переулке. Время действия: 15:40, вторник.

Лимузин представительского класса — гибрид Rolls-Royce и беспилотного модуля Яндекса с тонировкой девяносто пять процентов — высадил их не у главного входа, где дежурили камеры департамента безопасности, а через бывшую черную лестницу со двора-колодца.

Маргарита куталась в свое суконное пальто, чувствуя себя партизаном, заброшенным в тыл врага. Мастер же испытывал странный трепет. Он знал этот особняк по архивным чертежам девятнадцатого века. Тогда здесь пахло сушеными травами, воском и семейным счастьем. Сейчас из-за массивных дубовых дверей, обитых зачем-то листовой медью, тянуло озоном от серверов, запахом дорогого мужского парфюма и стерилизованной властью безнаказанности.

— Департамент цифрового наследия и оптимизации культурных кодов, — прочитал Мастер на латунной табличке. — Звучит как диагноз для всей страны.

— Это эвфемизм, — спокойно ответила Маргарита. Она сняла свои грубые ботинки еще в машине и теперь стояла босиком на ледяных гранитных плитах холла. Охрана — двое молодых людей в идеально сидящих костюмах Brioni, чьи уши выдавали встроенные микронаушники костной проводимости, — даже не посмотрела в их сторону. Для системы распознавания лиц они были пустым местом, призраками, имеющими высший цифровой пропуск категории «Абсолют». Воланд позаботился об этом, просто внеся пару правок в федеральный реестр налогоплательщиков прямо во время движения лифта.

Внутри эпоха купеческого ампира вела жестокую войну с эстетикой госкорпораций. Мраморные камины восемнадцатого века были врезаны в стеклянные перегородки open-space пространства. На месте, где когда-то висел поясной портрет основателя династии, теперь сиял логотип компании — стилизованный двуглавый орел, держащий в лапах не скипетр и державу, а оптическую мышь и планшет. Вместо старинного паркета под ногами хрустело полимерное покрытие антистресс, меняющее цвет от прикосновения.

Навстречу им выплыла девушка-референт. На ней был строгий брючный костюм цвета фуксии, который стоил больше годового бюджета сельской библиотеки, а на шее висел бейдж с надписью «Елена Сергеевна, Chief Happiness Officer (CVO)».

— Николай Иванович? — ее голос звучал так, словно она озвучивала аудиогиды в Диснейленде. — Вас ждут. Зал Заседаний Номер Один. Мы называем его «Красная гостиная», хотя исторически он голубой. Но красный лучше конвертирует страх сотрудников в продуктивность. Прошу за мной.

Кабинет, куда их привели, занимал весь второй этаж. Потолок здесь украшала подлинная роспись начала XIX века — пухлые ангелы среди райских кущ. Прямо поверх масляной краски была натянута система умного освещения Philips Hue. В центре комнаты стоял стол для переговоров из цельного массива карельской березы, но столешница представляла собой огромный сенсорный экран 4K разрешения.

За столом сидел человек, которого Маргарита узнала бы из тысячи. Заместитель министра культуры по цифровизации Левий Матвей Бенгальский. Его лицо транслировали все федеральные каналы во время обсуждения закона о блокировке зарубежной литературы. Лицо было серым, отечным, а глаза бегали так быстро, будто он пытался прочитать условия лицензионного соглашения Windows, всплывшие перед сном.

Бенгальский нервно теребил край своего галстука из кожи питона.

— Опаздываете, Мастеров, — проскрипел он, не предлагая сесть. — У нас тендер горит. Фонд президентских грантов выделил триста миллионов на геймификацию романа Достоевского. Нужно сделать Раскольникова ограбельным персонажем с прокачкой топора. А Вы мне макеты интерфейса вторую неделю не шлете! Где бета-версия?

Мастер молча подошел к столу. Он чувствовал запах страха Бенгальского — это была смесь валерьянки, дешевого растворимого кофе и паники человека, чей офшорный счет сегодня утром подвергли аудиту.

— Игры отменяются, Левий Матвеевич, — сказал Мастер, опираясь кулаками о холодный сенсорный стол. Экран тревожно пискнул. — Мы закрываем проект.

— Что?! — Бенгальский подпрыгнул. Пуговица на его рубашке Zilli расстегнулась, обнажив золотую цепочку с ключом от банковской ячейки. — Вы подписали NDA! Неустойка разорвет вас! Мой юрист…

— Ваш юрист сейчас покупает недвижимость в Черногории по поддельному паспорту, — раздался голос от двери.

Там, небрежно прислонившись к косяку, стоял Азазелло. Он избавился от клетчатого пиджака. Теперь на нем была черная водолазка, как у Стива Джобса, и идеальные брюки, скрывающие очертания хвоста лишь при определенном ракурсе света. В руках он крутил смартфон Бенгальского.

— СМС от жены, — ухмыльнулся демон одними губами. — Спрашивает, почему с вашей карты списано два миллиона в бутике Hermes. Пишет, что подает на развод и делит детей. Ипотечный калькулятор открыт на вкладке «Продажа единственного жилья». Продолжать совещание или перейдем к сути?

Бенгальский медленно опустился в кресло. Его идеально выстроенная цифровая империя рассыпалась в прах от одного взгляда существа, которое знало пароли от всех его облачных хранилищ.

— Чего… чего вам нужно? — просипел чиновник.

Маргарита вышла вперед. Она подошла к панорамному окну, из которого открывался вид на старую Москву — покатые крыши доходных домов, которые отсюда, с высоты сорока метров, казались детскими игрушками. Она положила ладонь на толстое стекло.

— Нам нужна усадьба, — произнесла она, глядя вниз. — Та самая. Усадьба Остермана-Толстых в Басманном районе. С колоннами, липовой аллеей и руинами оранжереи, которую ваш департамент месяц назад выставил на торги под застройку апартаментов бизнес-класса.

Бенгальский затравленно переводил взгляд с лица Маргариты на мрачную фигуру Азазелло.

— Невозможно! — выдохнул он. — Объект уже снят с охраны как объект культурного наследия. Документы прошли три чтения. Инвестор внес залог. Там завтра начнут забивать сваи! Если я остановлю процесс, меня посадят. Меня разденут до нитки!

— Тебя и так разденут, Лева, — ласково сказал Азазелло, подходя ближе. — Только инвестор твой сделает это быстрее и без участия ГСИН[7]. Посмотри сюда.

Он бросил смартфон чиновника на стол. На экране светилось пуш-уведомление Telegram-канала «Опер слил»: «Замглавы Минкульта Левий Бенгальский задержан при получении взятки антикварными гравюрами XVIII века. ГСКР[8] подтверждает обыски». Время публикации стояло текущее — 15:42.

---

[7] Государственная система исполнения наказания

[8] Государственный следственный комитет (региональный)

— Это фальшивка! Монтаж! Deepfake! — взвизгнул Бенгальский, потея так, что на шелковой рубашке расползалось темное пятно.

— Это превью, — поправил его Азазелло. — Реальность догонит push-уведомление ровно через десять минут. Или мы нажимаем кнопку «Отмена».

Мастер смотрел на Маргариту. Она стояла спиной к комнате, освещенная закатным солнцем Москвы-Сити, пробивающимся сквозь смог. Ее силуэт на фоне стекла напоминал инквизитора. Впервые за долгие годы он видел женщину, которая получала искреннее удовольствие от унижения мелкого беса во плоти.

— Хорошо! — сдался Бенгальский. Его плечи обвисли. — Я аннулирую тендер. Я переведу статус объекта обратно в «Особо ценный». Я напишу распоряжение о создании там музея современного страдания. Но инвестор… он очень серьезный человек. Из Администрации. Ему нельзя отказывать.

— Об инвесторе не беспокойтесь, — Маргарита повернулась от окна. Уголки ее губ дрожали в едва заметной усмешке. — Он получит отступные. Весьма специфические. Говорят, коты любят свежую рыбу ценных пород. Особенно если эта рыба плавала в личном пруду застройщика.

Она достала из своей холщовой сумки маленький золотой флакон. Тот самый, из-под подсолнечного масла.

— Откройте окно, Николай Иванович, — попросила она.

Мастер дернул ручку массивной рамы. Гудящий, мертвый воздух кондиционера сменился гулом города. Маргарита капнула одну жирную желтую каплю на подоконник. Масло мгновенно впиталось в мрамор, оставив после себя запах жареных семечек и дорожной пыли.

— Готово, — сказала она. — Теперь любой экскаватор, который завтра приблизится к этой усадьбе ближе чем на сто метров, превратится в тыкву. А оператор погрузчика внезапно осознает всю глубину экзистенциальной прозы Камю и уволится по собственному желанию, чтобы писать стихи. Можете считать это культурным обременением нового типа, Левий Матвеевич. Дарственная будет подписана к вечеру. Свободны.

Бенгальский, шатаясь, поднялся. Он забыл попрощаться. Дверь за ним закрылась автоматически, издав звук спускаемой в бездну воды.

Азазелло щелкнул пальцами. Смартфон на столе вспыхнул и осыпался пеплом, который тут же всосало вентиляцией.

— Дело сделано, королева, — прохрипел он довольно. — Ключи будут у вас в сумочке через час. Вместе с документами на право собственности. Правда, есть одна деталь. Усадьба теперь ваша. Частная собственность. Налоги на землю, счета за отопление чугунных батарей, реставрация лепнины и охрана от дронов-доставщиков ложатся на баланс владельца. Бюджет — примерно половина состояния вашего мужа-министра. Справитесь?

Маргарита обернулась. Взгляд ее стал серьезным и тяжелым.

— Квартира Мастера уйдет банку завтра утром, — тихо сказала она. — Пусть забирают стекло. Мне нужны стены, которые помнят голоса. Дом, где можно спрятаться от спутников-шпионов. И сад, где можно сжигать рукописи так, чтобы дым не попадал в объективы камер видеонаблюдения. Мы справимся, Азазелло. Гении всегда нищие. Это идеальное прикрытие.

Она взяла Мастера под руку. От ее ладони исходило живое тепло, напрочь отсутствующее в этих стенах.

— Пойдемте, Мастер. Осматривать наши руины. Нам нужно успеть купить керосиновые лампы, пока в Москве окончательно не отключили аналоговое электричество.

Они покинули логово цифрового Левиафана через ту же черную лестницу. Но город внизу изменился. Пока они вершили судьбы министерства внутри позолоченной клетки, Москву накрыл аномальный туман. Желтый, густой, пахнущий мокрой шерстью и старыми

книгами. Беспилотные такси стояли вдоль тротуаров с ошибкой геолокации на лобовых стеклах. Фасады небоскребов Сити исчезли, скрытые плотной мглой. Навигаторы в телефонах прохожих показывали карту Лондона конца девятнадцатого века. Маргарита крепче сжала локоть Мастера. Из тумана, прямо посреди Подсосенского переулка, игнорируя правила парковки исторических зон, материализовался длинный черный автомобиль с открытым верхом. За рулем сидел грач в мотоциклетных очках-консервах и кожаной кепке. Он нажал на клаксон, издав звук тромбона.

— Карета подана, господа помещики! — прокричал Бегемот, перекрикивая шум внезапно налетевшего ветра. — Багажник забит шампанским. Нас ждет ужин, который оплатит фонд обязательного медицинского страхования. Садитесь скорее, левое колесо уже начинает превращаться в репу, а гаишники вот-вот потребуют права категории «управление нечистой силой»!

Глава 3

Дьявол носит Prada и платит за ужин

Место действия: Ресторан «Erudit» на крыше отеля The Ritz-Carlton. Время действия: 20:15, вторник.

Туман внизу, у подножия Тверской, жил своей жизнью — там выли сирены скорых, безнадежно ищущих дорогу по сбитым GPS-трекерам, и матерились таксисты, чьи машины превратились в гужевой транспорт. Но здесь, под стеклянным куполом элитного ресторана, воздух был разреженным, дорогим и абсолютно изолированным от реальности.

Сюда поднимались только на персональном лифте, доступ к которому открывался сканированием сетчатки глаза. Маргарита стояла перед зеркальной стеной лифта, поправляя платье. На ней снова было то самое черное шелковое комбинационное платье, но теперь поверх него Воланд набросил манто из шиншиллы, которое выглядело так невинно, что таможня Шереметьево пропустила бы его как предмет первой необходимости.

— Выглядите вызывающе скромно для женщины, которая только что обанкротила департамент, — заметил Азазелло, выходя из тени лифтовой шахты. Он сменил водолазку на смокинг, который сидел на нем настолько идеально, что казался частью демонического тела. Вместо бабочки воротник стягивал тонкий шнур, подозрительно напоминающий удавку. — Скромность — это новая валюта тщеславия, — ответила Маргарита. — Пусть думают, что я жена регионального чиновника средней руки. Это расслабляет охрану.

Мастер стоял чуть позади, чувствуя себя карманником в музее Фаберже. Его единственный приличный костюм после стирки сел, брюки пузырились на коленях, а единственные выходные туфли отчаянно просили каши. Рядом с ним Коровьев, облаченный во фрак цвета «мокрый асфальт», смотрелся как посол ада при ЮНЕСКО. — Главное правило благотворительного ужина, Николай Иванович, — шептал Коровьев, нервно протирая пенсне без диоптрий салфеткой. — Никогда не ешьте салат. В нем всегда прячут микрофоны прослушки или остатки совести других гостей. Пейте только красное вино урожая любого года до две тысячи десятого. После этого срока виноградники начали страдать от депрессии, и вкус стал фальшивым.

Их столик располагался в центре зала, освещенного люстрой из муранского стекла стоимостью в бюджет небольшой африканской страны. За соседними столами ужинала Москва элитарная. Здесь продавали не еду, здесь торговали близостью к телу власти. Мужчины с лицами, застывшими в маске брезгливого спокойствия (следствие слишком частых инъекций ботокса), обсуждали вывод активов через криптовалюты жен. Женщины, состоящие из гиалуроновой кислоты и неоправданной жестокости, листали ленты соцсетей на золотых Vertu, делая вид, что им невыносимо скучно.

Ведущий вечера — популярный стендап-комик, продающий корпоративам шутки про тещу президента — постучал вилкой по бокалу. — Друзья! Мы собрали сегодня сливки нашего общества, чтобы спасти… — он сделал драматическую паузу, глядя в зал оловянными глазами, — …фонд поддержки молодых дарований Кремниевой долины! Всего пять миллионов рублей за право посидеть рядом с заместителем главы Администрации Президента!

Начался аукцион. Продавали всякую чушь, упакованную в термины спасения нации. Право назвать новый сорт выведенной в Сколково клубники ушло за восемь миллионов. Поездка на частном вертолете в закрытую зону Байконура — за двенадцать.

Воланд появился незаметно. Он просто возник в кресле во главе их стола. Никто из окружающих не обратил внимания — для них человек в безупречном сером костюме ручной работы, источающем аромат денег и серы, был просто очередным держателем контрольного пакета акций чего-то очень важного. — Скучаете, моя королева? — промурлыкал он, даже не повернув головы. — Обратите внимание на даму за три столика от нас. Видите бриллиантовую брошь в виде пчелы? Это председатель попечительского совета фонда защиты амурских тигров. Вчера она подписала разрешение на вырубку тридцати гектаров тайги под строительство частного зоопарка для своего мужа. Тигры ее не интересуют. Ее интересует пчела. Она думает, что это символ трудолюбия электората. Какая восхитительная слепота.

Маргарита проследила за взглядом мессира. Женщина-пчела громко хохотала, запрокидывая голову, пока официант наполнял ее бокал вином Petrus. — Накажите ее, — равнодушно предложила Маргарита. — Помилуйте, милая! — всплеснул руками Коровьев. — Зачем сразу наказывать? Давайте дадим ей то, о чем она просит. Трудолюбие.

Воланд едва заметно кивнул. В ту же секунду смартфон дамы-пчелы, лежащий на столе экраном вверх, издал громкий звук уведомления. Это был не рингтон. Это был вой циркулярной пилы, наложенный на крик марала во время гона. Экран вспыхнул красным. На нем открылось приложение «Госуслуги», но интерфейс был изменен. Вместо кнопки «Войти» мигала надпись: «Лесозаготовительный комбайн „Тайга-М“ требует вашего биометрического подтверждения для начала смены. Приложите палец к экрану».

Дама замерла с открытым ртом. Вой пилы становился все громче. Гости за соседними столиками начали недовольно коситься. Смартфон вибрировал с такой силой, что подпрыгивал на скатерти, разбрызгивая капли вина. — Я ничего не нажимала! — взвизгнула дама, пытаясь отбить аппарат ладонью, словно назойливую муху. — У меня маникюр! Гель-лак не высох!

Смартфон внезапно выплюнул струйку сизого дыма. Запахло жженой пластмассой и свежей сосновой стружкой. Из динамика раздался механический голос судебного пристава: — Внимание. Обнаружена незаконная порубка леса в объеме четырехсот кубометров. На ваш банковский счет наложен арест. Ваше лицо добавлено в базу распознавания лиц лесорубов-рецидивистов. Добро пожаловать в тайгу.

Дама сорвалась с места, опрокинув стул, и бросилась к выходу, прижимая дымящийся телефон к груди. Официанты смотрели на нее с ужасом, принимая за сумасшедшую. — Вот видите, — удовлетворенно сказал Воланд, беря со стола меню в кожаном переплете. — Теперь она лично займется восстановлением популяции кедра. Очень деятельная женщина оказалась. Закажем устриц?

Аукцион подходил к кульминации. Ведущий сиял, как надраенный самовар. — Лот номер сорок два! Уникальный лот! Ужин тет-а-тет с таинственным меценатом, готовым закрыть долги одного из старейших литературных журналов Москвы! Журнал умирает под гнетом налоговой оптимизации министерства культуры! Спасем русскую словесность всего за пятнадцать миллионов рублей!

В зале повисла неловкая тишина. Русская словесность никого не интересовала на сумму более пяти тысяч рублей, да и то если это автограф Пелевина на новом айфоне. — Десять миллионов! — лениво бросил мужчина с другого конца зала, даже не поднимая глаз от тарелки с фуа-гра. Ему просто нужно было перебить ставку, чтобы никто не подумал, что ему жалко денег на культуру. — Пятнадцать! — звонко сказала Маргарита.

Зал обернулся. Зал затих. Жена чиновника средней руки в потертых джинсах под шиншиллой только что перебила ставку владельца алмазных рудников. — Двадцать! — тут же взвился конкурент, багровея шеей. — Сто, — улыбнулась Маргарита, поворачиваясь к Мастеру. — Дорогой, оплатишь с нашей черной карты? Той самой, которую нам утром прислал курьер вместе с ключами от усадьбы.

Мастеру показалось, что у него остановилось сердце. Сто миллионов рублей. Сумма, которой хватило бы на покупку пентхауса с видом на Кремль, была сейчас небрежно брошена на алтарь почти мертвого журнала, где печатали стихи графоманов.

— Принято! — выдохнул ведущий, судорожно проверяя подлинность СМС от банка, подтверждающего транзакцию. — Господа, русская словесность спасена анонимным героем!

Раздались жидкие аплодисменты. Кто-то начал снимать происходящее на камеру телефона для Telegram-канала «Беспощадный пиарщик». Заголовок завтрашнего утра уже формировался в воздухе: «Сумасшедшая жена генерала скупает макулатуру миллионами».

Когда официальная часть закончилась и зазвучала тягучая джазовая музыка, к их столику подошла распорядительница вечера — холеная блондинка с лицом, лишенным всяких эмоций. — Простите, — процедила она сквозь идеальные виниры. — Охрана сообщает, что ваше манто… оно вызывает вопросы у кинологов. И металлоискателей. Нам придется попросить вас удалиться.

Азазелло медленно встал. Он не произнес ни слова. Он просто посмотрел распорядительнице прямо в глаза. Белки его глаз на мгновение стали сплошь черными, а зрачки вытянулись вертикально. Распорядительница икнула, побелела как мел и молча развернулась. Через минуту главный администратор ресторана принес Маргарите бутылку коллекционного шампанского «за счет заведения» и искренние извинения.

К полуночи гости начали разъезжаться. Они выходили в туман, садились в свои бронированные автомобили и исчезали в желтой мгле, которая надежно отрезала их благополучный мир от настоящей, гниющей и прекрасной Москвы.

Официант подал счет. Мастер заглянул в книжечку из шагреневой кожи. Помимо ста миллионов за журнал, там значились позиции: «Компенсация морального вреда фарфору эпохи Мин, разбитому Бегемотом (ошибочно принявшим его за сыр)» и «Доставка свежих карпов кои в личный бассейн госпожи-пчелы (в качестве успокоительного)». Общая сумма заставила бы плакать швейцарского банкира.

— Не смотрите на цифры, Мастер, — мягко сказал Воланд, накрывая чек своей ладонью. Цифры на бумаге тут же расплылись и сложились в фразу: «Оплачено вечностью». — Деньги — это фантом. Боль, страх и любовь — вот единственная твердая валюта. А теперь идемте. Нас ждет Бездомный. Этот юноша умудрился записать дисс-трек на Министерство просвещения, используя цитаты из вашей рукописи. Завтра ролик соберет десять миллионов просмотров. Нужно решить, что делать с этой славой, пока за нами не пришли настоящие люди из органов, а не мои мелкие бесы-программисты.

Они вышли из ресторана. Холодный ночной воздух ударил в лицо. Прямо у красной дорожки, нарушая все правила пожарной безопасности, стоял тот самый черный кабриолет. Бегемот спал за рулем, положив лапы на руль, и тихо храпел, высунув язык. На капоте автомобиля сидела наглая московская крыса и деловито грызла недоеденную кем-то в зале тарталетку с черной икрой.

Поездка по ночной Москве напоминала путешествие внутри больного сна. Кабриолет Азазелло двигался в абсолютной тишине — мотора слышно не было, прохожие шарахались в стороны, подчиняясь неслышному приказу. Мостовая Тверского бульвара вдруг пошла волнами, превращаясь в штормящее море. Фонари вытянулись, став мачтами тонущих кораблей. Маргарита перегнулась через борт автомобиля, подставляя лицо ледяному ветру. Ей казалось, что волосы развеваются сами по себе, обретя свободу полета еще до того, как она намазалась кремом. Мастер схватил ее за руку. — Куда мы едем? — прокричал он, перекрывая шум невидимого прибоя. — В клинику Стравинского, куда привезли Ивана! — ответил Коровьев, кутаясь в шарф, хотя в машине было тепло. — Там случился информационный коллапс! Все пациенты одновременно осознали, что они — персонажи ненаписанных книг! Медбрат пытается поставить капельницу Гоголю, уверяя, что это поможет отрезать ему нос! Бездомный забар-

рикадировался в процедурной и читает ваши гранки санитарам! Едем быстрее, иначе завтра вашу прозу внесут в протоколы судебно-психиатрической экспертизы как орудие массового поражения!

Глава 4

Палата №666, или Побочный эффект нейролептика «Булгаков»

Место действия: Федеральное государственное бюджетное учреждение Научный центр психического здоровья на Каширском шоссе. Время действия: 23:10, вторник.

Клиника профессора Стравинского больше не была тихим пристанищем для уставших гениев и ипохондриков. После того как Бегемот случайно уронил в систему центрального водоснабжения флакон с кремом Азазелло, водопроводная вода во всем Юго-Западном округе приобрела свойства портвейна «777», а медицинская информационная система клиники дала сбой такого масштаба, что его изучали бы потомки в учебниках по кибербезопасности ада.

Кабриолет затормозил прямо под знаком «Остановка запрещена. Кроме служебного транспорта ГСБ[9]». Охрана — бойцы Госгвардии[10] в полном обмундировании — стояла вокруг входа тесным кольцом, но смотрела они не на машину, а вверх, на крышу девятиэтажного корпуса. Оттуда доносился ритмичный бит и яростный речитатив:

— …Министерство правды пишет скрипт! / У меня на руках только старый самиздат! / Твой цифровой концлагерь горит, бюрократ, / Я открываю глаза — это матрица в ад!

— Бездомный дает бесплатный концерт, — флегматично заметил Азазелло, выпуская когти, чтобы почесать за ухом. — Акции лейбла растут.

Внутри приемного отделения пахло хлоркой, валерьянкой и озоном от короткого замыкания. На посту дежурной медсестры вместо компьютера стоял огромный патефон начала XX века. Медсестра, женщина весом около ста двадцати килограммов в накрахмаленном халате, крутила ручку аппарата. Из медного раструба лился голос Федора Шаляпина, исполняющего трек Моргенштерна.

— Вы к кому? — спросила она, не переставая крутить ручку. Пластинку заело на слове «Elon Musk».

— Мы к пациенту Бездомному, — сказала Маргарита, кладя на стойку купюру в пять тысяч рублей. Купюра мгновенно превратилась в засушенную черную розу.

— Иван Николаевич в интенсивной терапии, — кивнула медсестра-самозванец. — Палата шестьсот шестьдесят шесть. По новому ГОСТу[11] нумерации психиатрических отделений. Там сейчас проходит консилиум. Только бахилы наденьте, полы мыли кровью девственницы, скользко.

Лифт поднял их на шестой этаж. Двери разъехались, и в лицо ударил запах озона, жженой бумаги и абсента. Коридор был залит мертвенно-синим светом ультрафиолетовых ламп. Вместо линолеума пол покрывал идеально ровный лед, из которого торчали таблички с именами великих пациентов прошлого: «Гоголь Н. В. (палата 9)», «Гаршин В. М. (палата 6)». Лед приятно поскрипывал под тяжелыми ботинками Dr. Martens Маргариты.

Палата №666 находилась в самом конце коридора. Дверь отсутствовала. Проем был задрапирован тяжелым театральным бархатом цвета запекшейся крови. Из-за него пробивался пульсирующий красный свет и слышался гул сотен голосов.

---

[9] Государственная Служба Безопасности

[10] Государственная гвардия

[11] ГОСТ — это государственный стандарт

Мастер первым отвел ткань в сторону. То, что он увидел, напоминало смесь операционной Сколково, рейв-вечеринки девяностых и заседания Священного Синода.

Это был просторный бокс, где кафельные стены были увешаны плазменными панелями. На каждой панели бесконечно транслировалась одна и та же сцена: заседание правительства, где министр цифрового развития объяснял президенту преимущества блокчейна, используя язык племени Мумбо-Юмбо. Звук был выведен на полную громкость.

Посередине палаты стояла огромная многофункциональная кровать-трансформер последней модели, похожая на капсулу космического корабля. К ней был пристегнут широкими кожаными ремнями поэт-репер Бездомный. Он был абсолютно гол, если не считать беспроводных наушников Apple AirPods Max, надетых задом наперед. Его тело было опутано сетью разноцветных проводов, которые вели к капельницам. Но вместо физраствора по трубкам текла густая жидкость цвета бургундского вина — очевидно, неразбавленный портвейн из местного водопровода.

Над изголовьем кровати висел медицинский дрон-квадрокоптер с камерой высокого разрешения. Он медленно кружил над лицом Ивана, подсвечивая его софитами.

— Рифму давай! Ассонанс проседает! — орал дрон механическим голосом робота-терминатора. — Метрика ломается! Ты должен уложить падение Рима в четыре четверти!

Сам Иван сидел (точнее, висел в ремнях), запрокинув голову, и брызгал слюной в микрофон гарнитуры:

— Я видел код бытия, там баг на баге! / Архитектор вселенной сидит в общаге! / Он пилит дедлайн на языке Python, / А мы тут все ждем, когда рухнет закон!

У подножия кровати сидели два человека в белых халатах поверх дорогих костюмов Brioni. Один, с профессорской бородкой клинышком — несомненно, сам Стравинский — держал в одной руке планшет iPad Pro, а в другой — огромную бутыль самогона. Второй, лысый, с золотыми зубами и шрамом через всю щеку, одетый в пижаму пациента, сосредоточенно играл в мобильный тетрис. Это был пациент из соседней палаты, который представился Понтием Пилатом.

— Диагноз неверный, коллега, — вещал Стравинский, делая глоток из горла. — Это не острая шизофрения. Это когнитивный диссонанс высшей пробы. Мальчик осознал структуру матрицЫ без загрузки программного обеспечения. Его мозг пытается обработать текст Мастера напрямую, минуя фильтры Минкульта. Посмотрите на показатели ЭЭГ!

Он развернул планшет. Графики выглядели как кардиограмма умирающего трансформатора.

— Ему нужен антидот, — вздохнул Понтий Пилат, роняя свой старенький кнопочный телефон Nokia 3310. Экран телефона треснул. — Дай ему реланиум. Или хотя бы чекушку. У него сушняк после вчерашнего явления Воланда.

В этот момент Маргарита шагнула внутрь. Красный бархат упал за ее спиной, отсекая шум коридора. Наступила абсолютная тишина. Замер даже дрон. Оборвалась читка Бездомного. Все экраны в палате одновременно погасли, погрузив комнату в темноту, освещаемую лишь красными диодами аппаратуры жизнеобеспечения.

Иван открыл глаза. Зрачки его были расширены так, что радужки почти не было видно.

— Мастер? — прохрипел он. Провода натянулись. — Она пришла. Королева. Я знал. Я написал про это трек. Лейбл сказал, что это зашквар, но плевать…

Маргарита подошла к кровати. Ее шиншилла осталась в коридоре. В тусклом свете аварийных ламп ее простое черное платье казалось саваном. Она протянула руку и одним движением вырвала иглу капельницы из вены поэта. Бордовая жидкость брызнула на белоснежную простыню.

— Хватит пить то, что течет из крана, Иван, — сказала она тихо. — Трезвей. Нам нужно поговорить.

Стравинский икнул и перекрестился левой рукой. Бутылка самогона выскользнула из его пальцев, но не разбилась. Она зависла в воздухе, в пяти сантиметрах от пола, медленно вращаясь.

— Феноменально, — прошептал профессор, доставая из кармана халата диктофон. — Полная аннигиляция гравитации локальным полем харизмы. Нужно писать статью в The Lancet[12].

— Заткнитесь, эскулап, — бросил Мастер, входя следом. Он чувствовал себя глупо в своих мешковатых брюках посреди этого футуристического безумия. — Как Вы собираетесь его выводить?

— Никак, — ответил вместо Мастера новый голос.

Из тени за дверью выступил кот огромных размеров. Он шел на задних лапах, опираясь на костыль. На голове кота был белый докторский колпак, съехавший на левое ухо. В зубах он держал стетоскоп.

— Пациент объелся вечностью, коллеги, — промяукал Бегемот, выплевывая стетоскоп. — Обычная детоксикация здесь бессильна. Если вытащить его отсюда в реальный мир с его ипотеками и курсами валют, мальчик сойдет с ума уже по-настоящему, скучно, с запоем и дебошем в Ашане. Оставьте его нам. Мы научим его правильно рифмовать слово «бюрократ» со словом «геенна огненная». Будет собирать стадионы.

Понтий Пилат тяжело поднялся со стула. Халат распахнулся, обнажив терновый венец, глубоко вросший в кожу головы. Игемон подошел к Маргарите. Ростом он был чуть выше ее плеча, но веяло от него такой первобытной властью, что дрогнули даже провода над головой Бездомного.

— Этот юноша видит солдат, — хрипло сказал Пилат, глядя куда-то сквозь стену. — Они идут по Тверской. Солнце выжигает им глаза, потому что в будущем нет атмосферы. Они несут штандарты с логотипами Ozon и Wildberries. Он кричит им остановиться, но у них встроенные голосовые помощники, которые заглушают его голос рекламой кредитов. Не спасайте его от видений, королева. Спасите его от микрофонов.

Внезапно дверь в палату с грохотом распахнулась. На пороге стояли люди. Настоящие. Люди в серых костюмах, с лицами, вырубленными из гранита равнодушия. Старший группы — человек без шеи, с папкой-планшетом в руках — шагнул вперед.

— Нарушение режима особой охраны объекта здравоохранения. Выключить звук. Задержать всех посторонних. Кроме кота. Кот пусть остается, у него чип ветеринарный есть.

Агенты двинулись вглубь палаты. Маргарита обернулась к Мастеру. В ее глазах плясал тот самый желтый огонь, который он впервые увидел на Патриарших.

— Закрой глаза, — приказала она. — И не открывай, пока я не скажу. Иначе твой роман допишет Следственный комитет. В качестве признательных показаний.

Мастер послушно зажмурился. Он услышал звук рвущейся ткани, шипение статического электричества и нечеловеческий, вибрирующий рык, переходящий в ультразвук. За сомкнутыми веками вспыхнуло белое солнце Ершалаима.

Когда он рискнул приоткрыть один глаз спустя минуту, палата была пуста.

Не просто пуста от людей. В ней исчезла мебель. Исчезли плазмы. Исчез кафель.

Они стояли в огромном, темном зале с высоченными сводами. Под ногами хрустел песок. Где-то вдали капала вода. Запахло мокрым камнем и гарью. Единственным источником света была керосиновая лампа, стоящая на каменной плите. Рядом с лампой лежал ноутбук Мастера, экран которого показывал одну-единственную строку кода: RUN REALITY. EXE? [Y/N].

Прямо перед ними, сидя на обломке античной колонны, свесив хвост, расположился Бегемот. Он чистил зубы гусиным пером.

---

[12] The Lancet («Ланцет») — один из самых авторитетных медицинских журналов

— Добро пожаловать в серверную Господа Бога, господа литераторы, — мурлыкнул кот. — Генеральный уехал на совещание в бездну. Так что пока можно немного похулиганить. Бездомный пошел курить на балкон Левиафана. Сказал, будет писать оду о вреде электронных дневников в школах. Что делать будем? Протоколы оформлять или чай пить?

Чай они пили на крыше НИИ Психиатрии. Крыша усилиями Азазелло превратилась в уютную террасу французского бистро: плетеные кресла, белые скатерти и клетчатые пледы. Москва внизу снова стала твердой, асфальтированной и понятной, разве что туман никак не желал рассеиваться, цепляясь за шпили Сити седыми космами. Бездомный, переодетый в чей-то чужой махровый халат, грел руки о кружку с чаем, в котором плавали чаинки, складывающиеся в профиль Пушкина.

— Я понял главную проблему русской литературы, — заявил Иван, глядя на спящий город. — Ей не хватает басов. Нужен правильный саунд-дизайн. Вот смотрите…

Он достал из кармана халата смартфон. Открыл приложение. Нажал кнопку. И вся Москва — от Кремля до самых окраин — внезапно вздрогнула. Из миллионов окон, из динамиков машин, из смартфонов в карманах загремел мощный, качающий бит. Миллионы голосов синхронизированно начали читать стихи Маяковского в обработке трэп-музыки. Город начал двигаться в едином ритме.

— Называется «Тотальный диктант-фристайл», — гордо сказал Бездомный. — Теперь каждый алкаш в Южном Бутове, в районах Кунцево-Фили или в Тёплом Стане, знает разницу между ямбом и хореем на мышечном уровне. Куда теперь? Обратно в усадьбу бриться или пойдем разгонять облака над Думой?

Глава 5

Синхронизация с Преисподней (Version Control Failed)

Место действия: Бывшая библиотека усадьбы Остермана-Толстых, переоборудованная под кабинет. Время действия: 04:13 утра, среда.

Усадьба пахла пылью, тленом и озоном. За высокими окнами в стиле ампир занимался серый, безрадостный рассвет, который не могли пробить даже прожекторы Москва-Сити, видневшиеся сквозь туманную дымку. Мастер сидел за массивным дубовым столом эпохи Николая I. Поверхность стола была исцарапана следами от дуэльных пистолетов прошлого владельца, но сейчас главным оружием здесь был ноутбук Dell последней модели, подключенный к интернету через спутниковый терминал Starlink, тарелка которого нагло торчала из разбитого фронтона мезонина.

Мастер стучал по клавишам. Он пытался спасти пятую главу. Ту самую, где Понтий Пилат мучается гемикранией на балконе дворца Ирода Великого. Текст ускользал.

«Бессонница давила на висок, как раскаленный обруч палача…» — напечатал он.

Он нажал Enter, чтобы начать новый абзац. Посмотрел на экран и похолодел.

Текст изменился сам собой.

«Бессонница давила на висок, как просроченная кредитная карта Альфа-Банка на лимит овердрафта. Игемон поморщился. В кармане туники завибрировал коммуникатор Samsung Galaxy S90 Ultra. На экране мигало уведомление от приложения „Римский Налогоплательщик“: „Ваш долг перед кесарем вырос на 15%. Оплатить до заката?“. Пилат потянулся к кубку с вином, но рука наткнулась на холодный пластик смарт-браслета, считывающего пульс для страховки».

— Что за чертовщина? — прошептал Мастер. Его пальцы, привычные к перу и старой пишущей машинке, нервно подрагивали.

Он выделил испорченный абзац и яростно нажал Backspace. Затем снова набрал свой классический текст про кентуриона Крысобоя. Снова нажал Enter.

Система выдала тихий звук «Дзинь», похожий на уведомление о получении перевода. Буквы на экране замерцали золотым светом, а затем начали трансформироваться прямо под курсором:

«Кентурион Крысобой был огромен и лыс. Его лицо было изуродовано шрамом от финикийского меча, а походка выдавала тяжелое плоскостопие, полученное при штурме Ершалаима. Он молчал, потому что его микрофон костной проводимости разрядился, а зарядного устройства во всей Иудее днем с огнем не сыщешь».

Из вентиляционной решетки ноутбука повеяло серой. Экран моргнул, и в правом верхнем углу, там, где обычно висят часы или статус заряда батареи, появился маленький зеленый значок статуса мессенджера: «Азазелло печатает…».

В нижнем левом углу всплыло окно чата технической поддержки. Аватарка — ухмыляющийся черный пудель.

Демон_Сервиса: Здравствуйте! Я вижу, Вы пытаетесь внести правки в рукопись локально. Напоминаем, что Ваш контракт предусматривает только облачное соавторство. Версия v2_final_dark. exe заблокирована для редактирования пользователем «Мастер».

Мастер (через клавиатуру): Кто изменяет мой текст?

Демон_Сервиса: Это рекомендательная нейросеть Inferno-7. Она анализирует Вашу прозу на предмет кликбейта и монетизации. Читатели устали от экзистенциальной тоски, Николай Иванович. Им нужны понятные триггеры. Мы добавили Пилату ипотеку и проблемы с каршерингом. Конверсия растет!

Мастер вскочил так резко, что дубовое кресло на колесиках отъехало назад и врезалось в стопку дореволюционных журналов «Нива». Он обошел стол, схватил тяжелый чугунный пресс-папье в виде сфинкса и занес его над ноутбуком.

— Сейчас я тебе устрою конверсию в металлолом! — прорычал он.

— Не стоит, — раздался голос от двери. — У него есть бэкап в Раю. Замучаешься восстанавливать лицензию Windows.

Воланд стоял в дверном проеме, небрежно опираясь на трость. Но сегодня его костюм выглядел иначе. Вместо безупречного кроя Brioni на нем был комбинезон технической службы дата-центра — темно-синий, с множеством карманов, набитых кабелями, флешками и непонятными металлическими инструментами. На груди красовался бейдж-пропуск: «Главный Архитектор. Уровень доступа: Абсолют».

— Вы ломаете мою драматургию! — выпалил Мастер, опуская пресс-папье на столешницу. От удара подпрыгнула фарфоровая чернильница. — Как Пилат может рефлексировать о бренности бытия, если ему на телефон сыпятся пуши от банка?!

— Потому, милый мой, — Воланд прошелся по скрипучему паркету, оставляя на вековой пыли идеальные следы дорогих рабочих ботинок Timberland, — что ваша драма мертва. Современный человек не боится потерять душу. Он боится потерять доступ к премиум-подписке Spotify. Страх вечных мук больше не работает. Работает страх плохой кредитной истории. Если хочешь достучаться до их окаменевших сердец, говори на языке уведомлений. Оставь. Мой вариант текста. Поверь, когда читатель увидит, что игемон ищет розетку для пауэрбанка, он заплачет настоящими слезами узнавания.

Маргарита вошла бесшумно. Она уже сняла свое боевое пальто и теперь куталась в огромную шерстяную шаль, найденную на чердаке. Усадьба стремительно остывала — старая котельная отказалась запускаться, сославшись на отсутствие QR-кода на дровах.

— Он плачет от злости, мессир, — сказала она, подходя к Мастеру и кладя руки ему на плечи. От нее пахло кофе и непреклонностью. — Оставьте машину в покое, Николай Иванович. Пойдемте пить чай. Пусть демоны дописывают свою версию. Мы напишем свою. На бумаге.

Она кивнула на старинный секретер в углу. Там лежала пачка желтоватой бумаги фабрики Гознак и стояла бутылка чернил.

— Вы предлагаете писать гусиным пером в эпоху квантовых вычислений? — усмехнулся Мастер, но гнев его начал спадать. Тепло рук Маргариты всегда действовало лучше любого антивируса.

— Я предлагаю писать кровью сердца, — просто ответила она. — То, что написано вручную, нельзя переписать удаленным доступом. Демоны могут взломать сервер Google. Они не могут взломать физический контакт графита с целлюлозой.

Воланд закатил глаза.

— Луддиты. Кругом сплошные луддиты. Хорошо. Играйте в свои архаичные ритуалы. Но учтите: издательство ждет файл. Дедлайн горит синим пламенем. Буквально. Азазелло пошел разогревать адскую печь в подвале, чтобы распечатать вам тираж, если типография опять потребует справку об отсутствии судимости у автора.

Хозяин преисподней щелкнул пальцами. Из потолка ударил луч яркого белого света, высветив облако пыли в воздухе. Когда свет погас, на столе рядом с дымящимся ноутбуком появилась новая вещь.

Это была печатная машинка «Ундервуд» начала XX века. Черная, массивная, хищная. Но присмотревшись, Мастер увидел, что клавиши сделаны не из слоновой кости. Каждая кнопка

представляла собой миниатюрный человеческий череп с разным выражением лица: отчаяния, гнева, безумия или экстаза.

— Механическая память веков, — пояснил Воланд. — Никакого облака. Полная автономия. Питается исключительно творческим кризисом и бессонницей. Попробуйте. Только осторожнее с клавишей Delete. Последнее нажатие стерло Рим с карты мира на трое суток, пришлось откатывать систему Вселенной.

Мастер медленно сел. Положил пальцы на холодные костяные черепа. Нажал первую букву. Раздался громкий, сочный металлический удар — «ТЫНЦ!». Звук этот прозвучал как выстрел. Эхо заметалось под сводами библиотеки, сбивая пыль с хрустальной люстры.

Ноутбук на краю стола издал предсмертный писк, экран пошел полосами, транслируя системную ошибку KERNEL_SECURITY_CHECK_FAILURE, после чего окончательно погас, погрузившись в бесконечный цикл перезагрузки.

— Получилось, — выдохнул Мастер, глядя на чистый лист бумаги, выползший из недр «Ундервуда». Лист пах свежей типографской краской и свободой. — Пишите, Иван Николаевич. Кажется, наш поэт закончил рифмовать слово «бюрократ» со словом «идиот» и готов диктовать.

В коридоре послышались тяжелые шаги, лязг металла и недовольное кошачье мяуканье. Дверь распахнулась, едва не слетев с петель. На пороге возник Бегемот. Он нес в зубах связку ржавых ключей, а на спине у него сидел совершенно очумевший Иван Бездомный. Поэт был одет в смирительную рубашку, поверх которой болтался бронежилет спецназа, а на лице красовались сварочные очки.

— Докладываю! — прохрипел Иван, пытаясь снять очки. — Министерство цифрового развития запустило обновление протокола распознавания лиц. Теперь любой входящий в метро автоматически подписывается на платный канал Патриарха в Telegram. Я еле ушел дворами! Пришлось угнать трамвай номер тридцать четыре. Он внизу, кстати, пытается встроиться в расписание МЦК[13], рельсы трещат.

Маргарита подошла к поэту и ловким движением развязала узел на спине рубашки. Ткань упала к ногам Ивана.

— Успокойся, Ваня. Министерства приходят и уходят. А булгаковский синтаксис вечен. Садись. Будешь моей стенографисткой. Диктуй правду. Только попробуй зарифмовать ее — выкину в окно, будешь общаться с голубями на крыше языком жестов.

Иван тяжело рухнул в кресло для посетителей, дрожащими руками взял предложенную кружку с остывшим чаем и посмотрел на Мастера. Взгляд поэта все еще был стеклянным от пережитого киберпсихоза, но в глубине зрачков начало просыпаться что-то человеческое.

— Ладно, — сипло сказал он. — Записывайте. Глава шестая. Никогда не разговаривайте с неизвестным блогером в комментариях…

Первые же слова, которые Мастер впечатал в бумагу тяжелым ударом по черепу-грусти, отозвались вибрацией в стенах старого дома. Усадьба вздохнула. Сквозняк пронесся по анфиладе комнат, шевеля истлевшие бархатные шторы. Где-то в дальнем крыле, в бывшей оранжерее, раздался звон стекла. Это лопнул последний стеклопакет, установленный недобросовестными подрядчиками год назад. Сквозь дыру в свинцовом переплете внутрь влетел порыв ветра, неся с собой запах асфальта после дождя и гул далекой электрички. Слово, написанное на бумаге, обретало вес. Оно становилось плотнее бетона и реальнее цифр на банковских счетах тех, кто думал, что купил эту землю. Мастер поднял голову от листа. В полумраке библиотеки глаза Маргариты светились собственным, внутренним золотом. Она улыбнулась уголком губ. Битва за реальность началась, и первый раунд остался за карандашом против сервера.

---

[13] Московское центральное кольцо (МЦК) — это маршрутная линия пассажирского железнодорожного транспорта в Москве

Глава 6

Критик и Омлет (Газетная утка под соусом деми-гляс)

Место действия: Летняя веранда усадьбы Остермана-Толстых, переоборудованная в столовую. Время действия: 12:00, среда.

Утро началось с запаха гари и триумфа. Маргарита, засучив рукава мужской рубашки по локоть, колдовала над старинной чугунной плитой, которую Азазелло лично вычистил от вековой паутины паяльной лампой. Плита работала на антраците, который Бегемот таскал из преисподней мешками, жалуясь на остеохондроз и нарушение трудового кодекса ада.

Результат превзошел все ожидания. Вместо резиновых столовских сосисок и растворимого кофе эпохи безденежья, которыми Мастер питался последние годы, кухня ожила. Воздух дрожал от ароматов свежесмолотого эфиопского Иргачеффе, жареного бекона, трюфельного масла и чего-то неуловимо греховного — корицы, смешанной с табаком дорогих сигар.

Мастер сидел за большим дубовым столом, накрытым белоснежной скатертью, найденной в сундуке на чердаке, и чувствовал себя самозванцем. Он смотрел на тарелку, где лежали два яйца пашот идеальной формы, покоившиеся на подушке из шпината и увенчанные шапкой голландского соуса.

— Это слишком хорошо, чтобы быть правдой, — пробормотал он, вооружаясь вилкой и ножом. — Сейчас придет налоговая или сломается канализация.

Словно отвечая на его мысли, кованые ворота усадьбы протяжно скрипнули. Но вместо вороньего карканья коллекторов или рева моторов спецслужб раздалось тихое, интеллигентное урчание электромобиля премиум-класса. Звук был таким стерильным, что вызывал желание немедленно прополоскать рот мирамистином.

На гравийную дорожку ступил человек. Латунский изменился до неузнаваемости, но остался собой в своей сути — воплощением пустоты, упакованной в дорогую оболочку. На нем были льняные брюки кремового цвета стоимостью в бюджет издания Мастера на год, мокасины Tod's на босу ногу и очки виртуальной реальности Apple Vision Pro, сдвинутые на лоб. В руках он держал складной монопод для съемки видео.

— Bonjour, mes amis, — промурлыкал Латунский, подходя к веранде. Его голос сочился патокой фальшивого восторга. — Я проезжал мимо, увидел дымок из трубы этого милого сарая и подумал: «Левий, проверь это место своим гастрономическим радаром». И мой радар меня не обманул! Какая восхитительная деконструкция руин!

Маргарита замерла у плиты с лопаткой в руке. Ее ноздри раздулись, как у хищника, почуявшего падаль.

— Здравствуй, критическая масса, — ровно сказала она. — Мы тебя не звали. Ворота закрыты на магический замок категории «Пшелвон».

— Ах, оставь эти готические глупости для своего мужа-чиновника, душечка, — Латунский бесцеремонно уселся за их стол, бросив на чистую скатерть салфетку из собственной сумки. — Я здесь не по литературному вопросу. Забудьте свои обидки про разгромные статьи. Те статьи писал не я, а нейросеть редакции ради кликов. Я теперь инфлюенсер. Фуд-блогер. У меня триста тысяч подписчиков, которые верят моему вкусу больше, чем Конституции. Я пришел делать обзор вашего… заведения. Назовем это «Pop-up ресторан „Склеп“». Очень трендовый концепт нищеты.

Он достал смартфон последней модели и направил камеру на лицо Маргариты.

— Так, свет плохой. Эй, демон, там, у плиты! Повернись анфас, сделай улыбочку! Скажи что-нибудь аутентичное про борщ!

Бегемот, сидевший на крыше дровяного сарая и чистивший рыбу огромным тесаком, поднял голову. Желтые глаза вспыхнули.

— Аутентичный борщ требует души младенца, — густым басом сказал кот. — Но мы сегодня обходимся свеклой. Хотя душа редактора глянца тоже бы подошла. Для навара.

Латунский нажал кнопку записи.

— Слышали? Потрясающий крафтовый юмор! Друзья, ставьте лайки, сейчас будет дегустация. Я заказываю всё меню. Хочу разобрать этот треш по молекулам. Кстати, соус у вас горелым пахнет. Вы масло используете повторно? Это моветон. Мой стоматолог говорит, канцероген…

Мастер перестал есть. Вилка и нож легли на стол абсолютно параллельно краям тарелки — жест хирурга перед операцией. Лицо его, обычно бледное и растерянное, начало каменеть. Та самая ярость, которая когда-то заставила его сжечь рукопись, снова поднималась из глубин сознания, но теперь она была холодной, как сталь скальпеля.

— Левий Матвеевич, — тихо начал он. — Вы только что назвали наш дом сараем. Мою жену — душечкой в уничижительном тоне. А мою еду — трешем. При этом ваши туфли стоят дороже, чем отопление этой усадьбы на весь октябрь. Откуда такая смелость критиковать чужой труд, сидя на шее у рекламодателей кошачьих кормов?

Латунский снисходительно рассмеялся. Смех звучал как пересыпающийся песок.

— Ой, да ладно тебе, Коля! Не будь ретроградом. Эпоха гениев прошла. Наступила эпоха алгоритмов. Твой роман о Понтии Пилате гениален, спору нет. Но он не продает рекламу дезодоранта. Поэтому он лежит в столе. А моя рюмочная инстаграмма[14] продает тонны пластика. Я — реальность. Ты — архивная пыль. Смирись. И плесни мне водички, пока я настраиваю баланс белого.

Он протянул руку к графину с водой, стоявшему посреди стола. Графин был хрустальным, старым, с гранями, преломлявшими свет. Латунский взялся за тяжелую крышку.

В ту же секунду произошло несколько вещей одновременно.

Во-первых, солнечный луч упал на кольцо с черным камнем на пальце Маргариты. Камень полыхнул багровым.

Во-вторых, ложка, которой Латунский собирался помешать несуществующий сахар в воде, внезапно раскалилась докрасна. Инфлюенсер вскрикнул и отбросил ее. Ложка упала на скатерть, прожигая идеально ровную дыру в форме логотипа компании-производителя столовых приборов.

В-третьих, очки Apple Vision Pro на лбу критика моргнули синим экраном смерти (BSOD)[15]. Из динамиков послышался панический шепот встроенного голосового помощника:

«Обнаружена потусторонняя активность. Уровень угрозы: Экзорцизм. Сохраняйте спокойствие и вызовите священника с рейтингом выше четырех звезд».

Но главное случилось с самим Латунским. Когда он открыл рот, чтобы возмутиться испорченной ложкой, оттуда вместо слов вырвался звук квакающей жабы. Он схватился за горло выпученными глазами. Его модный льняной костюм начал стремительно менять цвет с кремового на болотно-зеленый. Пуговицы из перламутра превратились во влажные бородавки.

— Что Вы делаете?! — прохрипел он земноводным голосом. — Это насилие! Я буду стримить ваш буллинг!

---

[14] Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

[15] BSOD (Blue Screen of Death, или «синий экран смерти») — это сообщение в Windows, которое появляется при критической ошибке в ядре операционной системы

— Стримь, лягушка, — ласково ответила Маргарита, садясь обратно на свое место и беря в руки нож для масла. — Только учти, алгоритм рекомендаций платформы сейчас настроен так, что твоим подписчикам будут показывать рекламу клиник лечения зависимостей и средств от геморроя. За каждую минуту твоего пребывания здесь твой счетчик просмотров падает, а стоимость рекламы растет. Экономика должна быть экономной, правда, мессир?

Воланд, всё это время неподвижно сидевший в плетеном кресле чуть поодаль и медленно вращавший в длинных пальцах бокал с вином, которое никто не наливал, едва заметно кивнул. Бокал в его руке наполнился густой черной жидкостью.

— Цифровой этикет, любезнейший, — произнес Воланд, и звук его голоса заставил листья на старых липах заскрипеть. — Если Вас пригласили к столу, даже если Вы пришли самовольно травить чужую кухню, нужно хотя бы попробовать соль. Попробуйте нашу. Она слезами автора посолена. Очень пикантно.

Латунский-Лягушка попытался спрыгнуть со стула, но обнаружил, что прилип к нему намертво. Льняные брюки начали растворяться, обнажая зеленую пупырчатую кожу. Монопод в его руке трансформировался в длинный стебель камыша.

— Выпустите! У меня эфир через час! Мне надо снимать роллы в Сити!

— Эфир отменяется, — Мастер поднялся во весь рост. Теперь он не сутулился. Перед критиком стоял настоящий хозяин положения, творец миров. — Вы написали рецензию на мой неопубликованный текст, даже не прочитав его. Вы решили, что можете судить о моей жизни, потому что у вас больше лайков. Хорошо. Оставайтесь в шкуре того, кто судит по поверхности. Будете жить в пруду. Там отличная экология, говорят.

— Нет! Умоляю! — заквакал Латунский. — Я сниму ролик! Я скажу, что ваша яичница — лучшая в Москве! Хэштег #СпаситеГения!

— Поздно, — отрезала Маргарита. — Контракт подписан трафиком. Азазелло, проводи гостя к водоему. Кажется, в Патриарших прудах освободилось вакантное место после Берлиоза. Там как раз скамейка удобная, будешь блогерам байки рассказывать.

Демон вырос за спиной критика, щелкнул когтистыми пальцами. Пространство вокруг Латунского пошло рябью. Веранда исчезла, сменившись видом гнилых досок и мутной воды. Запахло тиной. Последнее, что увидели Мастер и Маргарита — это огромные, полные ужаса и непонимания цифровые метрики, плавающие в воздухе над головой бывшего критика: Подписчики: -300 000. Репутация: уничтожена. Карма: минус бесконечность.

Тишина вернулась в усадьбу, нарушаемая лишь шипением бекона на сковороде.

Мастер тяжело опустился на стул. Руки его дрожали.

— Я думал, гнев сжигает изнутри, — прошептал он, глядя на свою тарелку, где остывал идеальный, но уже ненужный завтрак. — А он просто делает мир тверже. Словно гранит.

Маргарита обошла стол, взяла его лицо в свои ладони. Они были теплыми и пахли луком и жизнью.

— Гнев — это просто топливо, Николай Иванович, — тихо сказала она. — А ты забыл заправиться. Доедай свой соус. И пошли писать главу про прокураторов. Пока Бегемот не съел всех редакторов столицы.

Кот на крыше издал сытый рыгательный звук, подтверждающий, что аппетит у него отменный.

Раздавленная тишина после экзистенциального завтрака длилась недолго. Со стороны черного входа, где раньше жила прислуга, раздался громкий металлический лязг, перемежаемый многоэтажным матом. Дверь кухни распахнулась, ударившись о стену. На пороге возник Азазелло. Он был покрыт жирной сажей, в зубах торчал гаечный ключ на семнадцать, а на голове красовался поварской колпак, залихватски скошенный набок.

— Котельная встала! — прорычал демон, выплевывая ключ прямо в вазу с сухоцветами. — Чугунный котел восемнадцатого века отказывается работать на принципах термодинамики!

Говорит, что ему требуется обновление драйверов BIOS и подключение к системе «Умный дом через Госуслуги»! Требует авторизации через QR-код, которого на нем отродясь не было! Эта рухлядь решила уйти в цифровое подполье! Что делать будем? Заморозим рукопись вместе с автором или пойдем жечь серверную Департамента ЖКХ для сугреву?

Глава 7

Парилка с поправками (Юридическая эквилибристика)

Место действия: VIP-комплекс «Царская парная» в охраняемом поселке Барвиха Luxury Village. Время действия: 23:00, среда.

Если усадьба Мастера пахла пылью вечности и жареным луком, то правительственный банный комплекс благоухал деньгами, эвкалиптом и страхом потери должности. Это был не просто спа-салон, это был храм новой русской бюрократии, где решения о судьбах страны принимались не за дубовыми столами под светом люстр, а на липовых полках под воздействием перегретого пара и ледяной водки.

Центром мироздания здесь была огромная парная из гималайской соли. На верхней полке, рискуя получить тепловой удар, лежали двое.

Первый — Левий Бенгальский. Бывший коллега критика Латунского, ныне заместитель министра культуры по цифровизации, сменивший не только имя, но и фамилию, оставив для себя привычное окончание фамилии, указывающее принадлежность к роду, семье и месту рождения. Его кожа после ежевечернего превращения в лягушку по утрам имела легкий изумрудный оттенок, который он безуспешно пытался замаскировать элитным автозагаром. Он потел не столько от жара, сколько от животного ужаса перед человеком, сидящим рядом.

Второй — Игорь Леонидович Корюшкин. Заместитель начальника Департамента городского имущества. Человек-пельмень: круглый, гладкий, лишенный шеи, плавно переходящий в плечи. В отличие от суетливого Бенгальского, Корюшкин источал абсолютное, маслянистое спокойствие сытого удава. В руках он держал планшет Samsung Galaxy, заключенный в противоударный чехол с гербом РФ, которым лениво обмахивался как веером.

— Ты мне статистику просмотров испортил, идиот, — прошипел Корюшкин, стряхивая каплю пота с кончика носа. — Твой инфантильный бунт в клинике Стравинского попал во все Telegram-каналы. Теперь кураторы нервничают. Сказали: «Решите вопрос с этим сараем в Басманном до выходных». Сарай-то твой новый подопечный купил. Частная собственность. Конституцию никто не отменял, чтоб ее…

— Игорь Леонидыч, так я же… конвергенция жанров! — залепетал Бенгальский, пытаясь сесть. — Я внедрял новые смыслы через архаичные формы! Трансмедийный сторителлинг!

— Заткнись, трансмедийный, — Корюшкин ткнул в планшете пару иконок. — Смотри сюда. Видишь кадастровый номер? Участок земли поселений, для эксплуатации объекта культурного наследия. Собственник — Маргарита Николаевна N. Всё чисто. Титул безупречен. Мы не можем снести это просто так. Если пришлем бульдозеры завтра — будет международный скандал. Amnesty International напишет, что мы подавляем свободу творчества. А нам нужен Чемпионат мира по лапте проводить, инвестиции нужны. Значит, действовать будем нежно. По закону.

Дверь парной распахнулась. Облако раскаленного пара впустило внутрь Азазелло. Демон был одет в простыню с логотипом заведения, повязанную на манер римской тоги, но выглядело это на нем как военная форма спецназа. За ним семенил маленький плешивый человечек в очках с линзами толщиной в дно пивной кружки. Человечек дрожал и сжимал в руках кожаную папку-регистратор.

— Адвокатская группа «Мефисто[16] и партнеры», — представил Азазелло, щелчком пальцев отправляя пустую шайку в дальний угол. — Лучшие специалисты по отъему недвижимости у сирот и романтиков. Докладывайте, Пролазин.

Адвокат Пролазин икнул от температуры и заговорил голосом, похожим на скрип пенопласта:

— Вариант первый. Прямой захват невозможен. Усадьба внесена в реестр вновь выявленных объектов наследия благодаря вашей подписи, Игорь Леонидович, — он кивнул Корюшкину. — Но есть лазейка. Статья 54 Федерального закона №73-ФЗ. Изменение предмета охраны. Мы исключаем из состава памятника главный дом. Оставляем только фундамент и фрагмент забора. Как только объект перестает быть «домом», он становится «руинами». Руины содержать невыгодно. Налог на землю взлетает в десять раз, так как меняется вид разрешенного использования. Хозяин сам принесет вам ключи через месяц, чтобы не платить два миллиона в год налога на «античные развалины».

— Годится, — кивнул Корюшкин. — Готовьте приказ. Что еще?

— Вариант второй. Санитарный, — продолжил адвокат, вытирая лоб рукавом дорогого пиджака. — У них там котельная восемнадцатого века. Угольная. Подаем жалобу через приложение «Активный гражданин» от лица анонимных эко-активистов. Росприроднадзор выписывает штраф за превышение углеродного следа. Ставим условие: либо они переходят на газ, либо закрываются. Газовая труба к их участку идет через земли ГСБ[17]. Разрешение на подключение стоит дороже самой усадьбы. Они банкротятся.

— Слишком долго, — поморщился Корюшкин. — Мне нужно решение к понедельнику. Чтобы в протоколе было написано: «В связи с аварийным состоянием конструкций, угрожающим жизни граждан». Где авария?

Азазелло сбросил простыню и начал методично хлестать себя двумя вениками сразу — березовым и крапивным. Кожа демона шипела.

— Аварию сделаем, — прохрипел он между взмахами. — Не лезьте в законы, юристы. Законы пишут люди, а трубы кладут черти. Котельная больше не просит драйверов. Она требует крови. Там сейчас Бегемот пытается договориться с духом истопника времен Николая Первого. Дух жадный, требует квартальную премию натурой. Будет им взрыв теплотрассы такой силы, что фонтан Большого театра станет гейзером. Главное, успеть отключить датчики МЧС через спутниковую группировку. Пусть думают, что рванула атомная бомба тактического назначения.

Бенгальский позеленел окончательно. Его начало тошнить.

— Вы с ума сошли… Взрыв… Это терроризм! Меня посадят!

— Тебя посадят за неправильную маркировку рекламы сушеных грибов, если ты сейчас не перестанешь ныть, — ласково сказал Корюшкин. — Слушай сюда, цифровая душа. Иди в свой Департамент. Выпускай постановление. Называется: «Об усилении мер безопасности пешеходных зон в историческом центре в связи с угрозой несанкционированного использования квадрокоптеров над объектами частной собственности».

— И что? — пролепетал Бенгальский.

— А то, болван, — Корюшкин наконец спустился с полка. Его тело оказалось покрыто сложной татуировкой схемы московского водопровода. — Запрети пролет дронов над Басманным районом. Радиус сто метров. Высота ноль. Для защиты персональных данных чиновников. Штраф миллион рублей.

Он открыл кран с ледяной водой и шагнул в купель с головой.

Когда он вынырнул, фыркая и отплевываясь, план сложился окончательно.

---

[16] Мефисто (Mephisto) — суперзлодей из комиксов издательства Marvel Comics

[17] Государственная Служба Безопасности

— Дальше дело техники, — продолжал он, растираясь полотенцем с единорогами. — Мастер пишет роман. Роман гениальный. Маргарита счастлива. Они открывают окна, чтобы проветрить мозги от вдохновения. Наш человек запускает с соседней крыши гражданского дрона DJI Phantom прямо им в кабинет. Нарушение режима бесполетной зоны. Прилетает наряд полиции, Госгвардия и ГСБ[18]. Обыск. Понятые.

— При обыске, — вклинился адвокат Пролазин, воспрянув духом от ясности мысли начальства, — в дымоходе случайно обнаруживается незарегистрированное нарезное оружие. Или пакетики. Белый порошок. Много. Экспертиза потом скажет, что это мука, но СИЗО[19] этого не знает.

— Супругов пакуют, — закончил Корюшкин, надевая махровый халат. — Дом опечатывают как место преступления. Доступ собственникам закрыт на время следствия. Шесть месяцев. За полгода мы успеваем провести экспертизу фундамента, признать его ветхим, вывести из реестра памятников решением суда («Истец не явился, извещен надлежащим образом»), отдать участок под субподряд дружественному застройщику. Там построят апарт-отель «Мастер энд Маргарита Хаус» с панорамными окнами и паркингом. Красиво? Красиво.

Бенгальский сидел на нижнем полке, раскачиваясь взад-вперед. Зубы его выбивали дробь.

— А если они не откроют окно? — жалобно спросил он. — Если они заколочены?

Корюшкин остановился в дверях, уже собираясь выходить в зону отдыха, где ждал накрытый стол с крабами и черной икрой.

— Тогда применим вариант «Культурный шок», — бросил он через плечо. — Завтра утром ко мне на прием запишешься. Будем переводить усадьбу из жилого фонда в нежилой. Основание: создание музея пыток инквизиции. Жить в музее нельзя. Придут приставы, сменят замки. Вывезут твою мебель в счет долгов государства перед государством. Свободен. И скажи охране, пусть плеснут этому адвокату холодной, а то он сейчас сварится вкрутую, некому будет исковые писать.

Оставшись один, Азазелло перестал париться. Он подошел к встроенному в стену сейфу, достал оттуда бутылку водки без этикетки и граненый стакан. Наполнил до краев.

— Юристы, — презрительно выдохнул он, осушая стакан одним глотком. — Никакой поэзии в работе. Сплошные коэффициенты кадастровой стоимости. Даже обмануть красиво не умеют.

Он посмотрел на свои ладони. Ногти начали медленно удлиняться, превращаясь в черные полированные когти. Наступало время ночной смены. Нужно было зайти в управляющую компанию ЖКХ и поговорить с главным инженером о давлении в трубах. Давление должно было стать избыточным. Критически избыточным.

На другом конце города, в прокуренной кухне квартиры на седьмом этаже панельного дома в Текстильщиках, поэт Иван Бездомный допивал третий литр зеленого чая. Бит, написанный им сегодня ночью, действительно качал. Ролик про призрак критика Латунского в пруду собрал полтора миллиона просмотров. Комментарии разрывались от восторга экзальтированных студенток и ненависти престарелых филологов. Телефон Ивана непрерывно вибрировал — лейблы, продюсеры, рекламные агентства предлагали миллионы.

Иван стер липкие капли пота со лба, взял гитару и подключил ее к процессору эффектов.

— Нет, ребята, — сказал он темному экрану смартфона, мигающему уведомлениями. — Продаваться рано. Сначала надо спасти дядю Колю. Чувствую, скоро у него начнутся реальные проблемы с управляющей компанией. А когда бесы приходят проверять счетчики воды, даже Воланд иногда вызывает адвоката.

---

[18] Государственная Служба Безопасности

[19] СИЗО — это следственный изолятор.

Он ударил по струнам. Звук получился тяжелым, вязким, как смола. Это был уже не рэп. Это был похоронный марш для бюрократической машины. Иван нажал кнопку записи.

Глава 8

Тепловой удар по системе (Ошибка 404: Зима близко)

Место действия: Территория ТЭЦ-12, промзона на Бережковской набережной. Время действия: 03:15 ночи, четверг.

Ночная Москва — это не спящий город. Это гигантский зверь, переваривающий мегаватты энергии. Гудят трансформаторы, светятся рубиновым светом башни Сити, под землей несутся поезда метро. И сердцем этого зверя, его раскаленным желудком, всегда была теплоэлектроцентраль. Место, где сжигают прошлое (уголь, газ, мазут), чтобы в будущем у чиновников в кабинетах работали кондиционеры.

Главный щит управления ТЭЦ напоминал алтарь техногенного бога. Стена из сотен мониторов, графики синусоид, ровное гудение серверов и запах озона. Дежурная смена инженеров пила чай с лимоном и смотрела на YouTube нарезки ДТП с видеорегистраторов. Всё было стабильно. Давление в норме. Температура сетевой воды плюс семьдесят градусов.

Внезапно главный экран диспетчерской моргнул. Зеленая линия графика давления в паровом котле №4 дернулась и поползла вверх.

— Что за фокусы? — старший смены прищурился. — Датчик барахлит?

Он щелкнул тумблером резервного контроля. Второй датчик показал то же самое. Плюс девяносто. Плюс сто десять. Аварийная отметка «Стоп» стремительно приближалась.

— Сброс! Ручной сброс давления! — крикнул он молодому напарнику. — Жми кнопку!

Молодой инженер бросился к большой красной кнопке «Emergency Stop». Его палец коснулся пластика. В ту же секунду кнопка вспыхнула нестерпимо синим пламенем, а из-под пластиковой панели повалил густой желтый дым. Инженер отдернул руку — кончики пальцев были покрыты черной сажей в форме кошачьей лапы.

— Протокол тринадцать! — рявкнул старший, хватая трубку прямой связи с директором. — У нас диверсия или полтергейст!

Но трубка ответила ему не голосом директора, а густым басом диктора советского радио:

— Говорит Всесоюзное радио. Передаем концерт по заявкам для слушателей ночной смены. Запись из Золотого фонда. Муслим Магомаев, «Чёртово колесо».

Из всех динамиков громкой связи станции грянули оркестровые фанфары.

А потом погас свет.

ТЭЦ погрузилась в абсолютную, первобытную тьму. Остановились вентиляторы охлаждения. Замерли турбины. Умолк гул насосов. Остался только нарастающий свист пара в перегретых трубах — звук дыхания дракона, готового взорваться.

Два силуэта стояли на самой вершине градирни — огромного бетонного цилиндра, откуда клубами валил густой белый пар. Ночной ветер трепал шерсть одного и полы плаща другого.

Бегемот сидел прямо на ограждении площадки, болтая лапами над бездной. На нем был строительный комбинезон ярко-оранжевого цвета, каска со встроенным фонариком и огромные сварочные очки-консервы. От него пахло расплавленной канифолью и наглостью.

— Ну скучно же, Азазелло! — заныл кот, вытирая закопченную морду мохнатой лапой. — Я хотел устроить шоу! Выпустить плазму из главного генератора, написать огнем на небе «Мастер — наше всё», попугать диспетчеров до икоты! А ты заставил меня паять реле времени. Я демон, а не радиолюбитель!

Азазелло не ответил. Он стоял на краю, широко расставив ноги, и смотрел вниз, в жерло турбозала. В руках он держал планшет, куда стекались данные о падении нагрузки города. На лице демона застыло выражение глубокого гастрономического удовлетворения, как у сомелье, пробующего редкое вино. Ветер развевал его черный плащ, делая фигуру похожей на горгулью, охраняющую собор.

— Шоу — удел дешевых фокусников, — процедил он сквозь зубы. — Мы делаем хирургическую операцию. Видишь вон тот кабель? Тот, что идет к зданию на Лубянку. Я пустил их трафик через процессор старого японского унитаза. Теперь каждый раз, когда генерал будет запрашивать спутниковую съемку нашего района, у него в наушнике вместо голоса разведки будет звучать запись звука смываемой воды. Пусть привыкают к асинхронности.

— А зачем мы вообще помогаем Мастеру? — вдруг спросил Бегемот, снимая горячую каску и охлаждая макушку паром из градирни. — Этот ваш Николай Иванович… тюфяк тюфяком. Ни когтей, ни стиля. Даже ругаться толком не умеет. Ради чего я испортил свои лучшие перчатки, копаясь в этом грязном масле?

Азазелло медленно повернул голову. Один его глаз в свете луны блеснул тусклым багровым металлом.

— Баланс, хвостатый. Элементарная физика. Если долго давить на пружину, она бьет в лоб. Эти упыри в бане решили залить его дом кипятком из канализации. Они посягнули на территорию Воланда. Не на здание — камни ничего не стоят. На тишину. Мастер купил право быть сумасшедшим официально. По закону. Крамольный писатель в статусе собственника исторического наследия — это юридическая аномалия. Абсурд. А система ненавидит абсурд больше, чем революцию. Система попытается выровнять давление. Наша задача — сделать так, чтобы при выравнивании Москву просто разорвало на куски. Чистый хаос. Никаких следов магии. Только халатность коммунальных служб. Искусство провокации.

Внизу, под ними, началось движение. Во мраке аварийные фонари залили станцию тревожным красным светом. Послышался топот тяжелых ботинок охраны Росгвардии. Лучи мощных прожекторов шарили по металлическим лестницам, ища террористов.

— Наш выход, — ухмыльнулся Азазелло. — Финал первого акта. Сделай красиво. Но помни: никаких жертв среди персонала. Только оборудование. И протоколы.

Бегемот плотнее натянул каску, поправил очки и достал из кармана комбинезона пульт дистанционного управления, стилизованный под телевизионный.

— Красиво, говоришь? — кот облизнулся, обнажив ряд острых, как иглы, зубов. — Обожаю русскую классику. Особенно финал «Отцов и детей».

Он нажал большую зеленую кнопку.

Это не был взрыв. Взрыв — это грубо. Это был звук рвущейся ткани мироздания. Из подвальных помещений, где располагались старые угольные склады, внезапно вырвалось облако черной пыли. Но это была не угольная пыль. Это была бумага. Миллионы, миллиарды листов бумаги. Старые архивные дела, постановления суда, квитанции ЖКХ, налоговые декларации жителей Хамовников, любовные письма начала века и копии паспортов — всё, что хранилось в бумажном виде в недрах городской бюрократии, разом взлетело в воздух.

Мощнейший искусственный смерч, созданный перепадом давления от остановки турбин, подхватил бумажную метель и понес ее на город. Через минуту белая стена документов накрыла Бережковскую набережную. Машины встали. Дворники в панике пытались отбиваться от летящих ордеров на арест имущества лопатами.

А затем случилось главное.

Азазелло вытащил из-под плаща странное устройство, похожее на гибрид вантуза и антенны. Он приставил его к стальной опоре градирни. Раздался звук, похожий на поцелуй вампира — чавкающий и влажный. Демон высасывал из металла напряжение.

Температура воды в трубах, которая должна была разрушить котлы от отсутствия охлаждения, начала стремительно падать. За считанные секунды кипяток превратился в лед. Внутри толстенных стальных магистралей образовались пробки из чистейшего, прозрачного льда. Вода, замерзая, расширялась.

Хр-р-р-р-ак!

Звук лопающегося металла прокатился по всей станции. Огромный магистральный трубопровод диаметром в метр разорвался, как консервная банка. Градирня дрогнула. Многотонная конструкция из бетона и стали покрылась змеящимися трещинами.

— Бежим! — рявкнул Азазелло, хватая кота за шкирку.

Они прыгнули с высоты тридцати метров. Для обычного существа это означало бы превращение в лепешку. Для них это означало лишь легкий хлопок воздуха. Приземлившись на крышу административного корпуса, они увидели, как основание градирни окончательно крошится. Гигантское сооружение начало медленно, величественно складываться внутрь себя, поднимая тучи пара и строительной пыли.

Сработала общегородская сирена оповещения.

На смартфонах миллионов москвичей одновременно всплыло уведомление МЧС:

ВНИМАНИЕ ВСЕМ!

АВАРИЯ НА ТЕПЛОВОМ КОНТУРЕ. ВОЗМОЖНЫ ПЕРЕБОИ С ОТОПЛЕНИЕМ И ГОРЯЧЕЙ ВОДОЙ. ЭКСПЕРТЫ НЕ ИСКЛЮЧАЮТ ПОЯВЛЕНИЯ СНЕГОПАДОВ В ИЗ-ЗА РЕЗКОГО ОХЛАЖДЕНИЯ АТМОСФЕРЫ. РЕКОМЕНДУЕТСЯ НАДЕТЬ ШУБЫ.

Азазелло посмотрел на термометр на стене здания. Столбик ртути полз вниз. На улице стоял июль. До утра оставалось четыре часа. До визита судебных приставов — шесть.

— Вот теперь, — сказал демон, отряхивая ладони, — можно и позавтракать. Маргарита обещала сырники. Надеюсь, сметана настоящая, а не этот ваш кокосовый йогурт без лактозы. Нарушение ГОСТа в еде я ненавижу даже больше, чем честных бухгалтеров.

Первые снежинки начали падать на разогретый асфальт Садового кольца около четырех утра. Крупные, липкие, неправдоподобно белые. Водители такси выходили из машин и смотрели в небо, крестясь и протирая глаза. Соцсети сошли с ума: хэштег #ЛетнийСнег вышел в мировой топ Twitter быстрее, чем администраторы успели запустить ботов для объяснения феномена климатическим оружием Запада.

А в холодной спальне усадьбы Мастер проснулся от того, что Маргарита трясла его за плечо. Она была уже одета в джинсы и тяжелые ботинки. На столе дымилась чашка кофе.

— Вставай, — сказала она тихо, глядя в окно на танцующие в свете уличного фонаря снежинки посреди лета. — Юристы Корюшкина сработали быстрее, чем мы думали. Голограмма пристава висит на воротах. Кажется, наш авангардный перформанс с ТЭЦ городские власти расценили не как помощь, а как теракт. Нам нужно подписать какие-то бумаги, иначе к вечеру здесь будут росгвардейцы с тепловизорами. Одевайся. Там холодно.

Она кивнула в сторону окна. Летний снег шел все гуще, заметая следы ночных бесов на мокрой земле Москвы.

Глава 9

Капитан и Баранки (Ординарность как высшая форма защиты)

Место действия: Парадный вход усадьбы Остермана-Толстых.
Время действия: 08:45 утра, четверг.

Летний снегопад к утру усилился. Москва превратилась в сюрреалистический макет из сувенирного магазина: под зелеными липами лежали сугробы, на капоте перевернутого мусорного бака нарастал пушистый белый слой, а старинные чугунные ворота покрывались морозным узором, который Бегемот пытался дыханием превратить в неприличные картинки.

Мастер кутался в старый плед, стоя на верхней ступени крыльца. После ночной диверсии котельная окончательно отказалась работать не только физически, но и метафизически — трубы покрылись изнутри толстой коркой льда, хотя температура воздуха снаружи была около нуля. В доме было холодно, как в склепе, и пахло сырой шерстью.

— Я участковый уполномоченный полиции, капитан Полицеймакин. Старший лейтенант запаса. Откройте дверь, граждане! — голос из-за ворот звучал устало, профессионально и невыносимо обыденно. Это был голос человека, которому хочется спать, есть пирожок с капустой и чтобы его все оставили в покое хотя бы до обеда.

В руке у Маргариты, открывавшей электронный замок (который после визита Азазелло периодически начинал петь гимн Советского Союза), были зажаты тяжелые латунные ключи. Она сделала глубокий вдох.

— Николай Иванович, помните наш уговор? — прошептала она, не оборачиваясь. — Никакой мистики. Ведем себя как скучные владельцы исторического хлама. Если он спросит про документы — смотри в пол и вздыхай о бюджете на реставрацию.

Тяжелая створка ворот со скрипом, слышным, наверное, на Лубянке, отворилась.

На улице стоял не демон. Не голограмма. Не агент ГСБ[20]. На утоптанном снегу топтался мужчина лет сорока пяти в темно-синей форменной куртке ППС[21], надетой поверх вязаного свитера с оленями. Из-под фуражки выбивались русые волосы, лицо было круглым, добродушным, но уже тронутым сеточкой капилляров вечных дежурств. В руках он держал потертый кожаный планшет и бумажный стаканчик с надписью «Кофе на вынос», от которого шел пар.

— Здравия желаю, — буркнул капитан, даже не приложив руку к козырьку. Он сделал глоток кофе, поморщился и сплюнул невидимую кофейную гущу в ближайший сугроб. — Выручайте, товарищи жильцы. У меня район сошел с ума. На Бережковской ТЭЦ трубу прорвало, кипятком улицу моет, хотя там лед лежит. Снег этот дурацкий… ЖКХ говорит, это конденсат. Какой конденсат при плюс одном градусе? У них всегда конденсат, когда работать надо. А начальство требует протокол по вашему адресу.

Он ткнул пальцем в сторону фасада.

— Соседи снизу, из бизнес-центра, жалобу написали. Говорят, у вас тут ночью акустическая тревога была, стекла дрожали, и кто-то пел басом матерные частушки про налоговую инспекцию. Плюс сработка сигнализации Росимущества. Дом исторический, объект казны. Я

[20] Государственная Служба Безопасности

[21] Патрульно-постовая служба (ППС)

обязан зайти, составить акт осмотра, убедиться, что Вы здесь не ядерный реактор собираете кустарным способом. Разрешение на перепланировку имеется?

Маргарита посторонилась, пропуская капитана во двор. Полицеймакин вошел, огляделся, поправил ремень с кобурой и первым делом наклонился, чтобы отряхнуть снег с ботинок. Его взгляд профессионала мгновенно зацепился за детали.

Так. Следы протектора от тяжелого внедорожника на свежевыпавшем снегу. Размер явно нестандартный. Далее. Глубокая царапина на мраморе колонн, оплавленная по краям, словно ее резали плазменным резаком. И запах. Запах озона, серы и дорогих сигар, который никак не мог принадлежать ни одному законопослушному гражданину РФ.

Участковый выпрямился. Его добрые глаза вдруг стали колючими и очень внимательными.

— Та-а-ак, — протянул он. — Интересная у вас фактура стен. Это краска такая шершавая или это Бегемот когти точил?

Из-за угла дома, вальяжно покачивая хвостом, вышел огромный черный кот. На нем была строительная каска, сдвинутая набекрень. Кот подошел к капитану, задрал голову, посмотрел ему прямо в желтые глаза и человеческим голосом произнес:

— Мяу. Что значит «точил»? Я калибровал резонансную частоту фундамента. У вас геоподоснова здания нарушена застройщиками соседнего квартала, дом может уйти под землю. Я укреплял грунты методом низкочастотной вибрации. Вот отчет, — кот лапой подтолкнул к ногам участкового смятую пачку сигарет «Ява Золотая», на которой карандашом были нацарапаны тригонометрические формулы.

Капитан Полицеймакин перевел взгляд с кота на Маргариту. Потом на Мастера в пледе. Затем снова на кота.

Он медленно поставил свой стаканчик с остывшим кофе на ступеньку. Достал из планшета чистый бланк протокола. Щелкнул кнопкой ручки.

— Значит так, — сказал он совершенно спокойным, деловым тоном. — Статья двести сорок пятая УК РФ — жестокое обращение с животными. Пункт второй, группой лиц по предварительному сговору, повлекшее доведение животного до состояния бреда. До трех лет. Но я сегодня добрый. Кота оформим как служебно-розыскную собаку-альбиноса. Черную. Бывает. Главное, чтобы она намордник носила. Где намордник?

Бегемот фыркнул, достал откуда-то из шерсти крошечный кожаный намордник, предназначенный для чихуахуа, и напялил его на морду, отчего стал похож на рассерженного хомяка-переростка.

— Протоколируйте, начальник, — глухо донеслось из-под кожи. — Только учтите, я занесен в Красную книгу ада как исчезающий вид. Потребую переводчика с кошачьего.

Полицеймакин тяжело вздохнул. Профессиональная деформация давно научила его тому, что самая страшная чертовщина происходит не в готических замках, а в обычных панельных спальниках. Там люди видят такое, что демоны сходят с ума от зависти. Участковый привык списывать всё на бытовые конфликты, белую горячку и некачественный китайский пластик.

— Так, гражданин кот, молчать. С вами потом разберемся, отдел лицензирования оружия вам задаст вопросы. Теперь с вами, хозяева.

Он повернулся к Мастеру и Маргарите. Взгляд его смягчился.

— Ребят. Ну посмотрите на себя. Вы же нормальные люди. Почти. Зачем вы купили эту рухлядь? Тут же перекрытия гнилые, крыша течет, призрак купца третьей гильдии по чердаку ходит, стучит — ипотеку просит вернуть. Я этого духа знаю, мы с ним еще в девяносто восьмом году пересекались, когда рейдеры офис захватывали. Склочный мужик. Вы зачем с ним связались?

Маргарита сняла свою шиншиллу (которая на самом деле была демонической иллюзией сложного уровня, но капитану знать это было необязательно) и повесила ее на руку.

— Нам просто нужно место, где можно писать книги, товарищ капитан, — тихо сказала она. — Без дронов, без блогеров и без советов министерства культуры. Мы заплатили золотом. Настоящим. Чиновники довольны.

Она посмотрела Полицеймакину прямо в глаза. Мастер знал этот взгляд. Это был тот самый взгляд королевы ночи, которым она останавливала сердца мужчин. Но вместо страсти в нем сейчас плескалась бесконечная, вселенская усталость.

— Закройте Вашу папку, — продолжала она. — Не пишите ничего про частушки. Напишите: «Проверка проведена, нарушений противопожарной безопасности не выявлено, жильцы адекватны, жалоб нет». Выпейте чаю. У нас баранки свежие остались, Бегемот утром в Елисеевском гастрономе через портал украл… то есть, закупил для нужд реставрации. Чай грузинский, со слоником. Посидим, поговорим о жизни. Расскажите, жена ваша как? Дети? Школу старший закончил?

Капитан замер с ручкой в руке. Механизм профдеформации внутри него дал сбой. Впервые за десять лет службы подозреваемые не пытались дать ему взятку, вызвать адвоката или телепортироваться. Они предлагали чай. И спрашивали про детей.

Снег продолжал падать, засыпая следы преступления против теплотрассы. Где-то вдалеке завыла сирена МЧС, пробирающаяся сквозь транспортный коллапс к взорванной ТЭЦ. А здесь, в промерзшей усадьбе, стояла звенящая тишина.

Полицеймакин долго смотрел на Маргариту. Потом на Мастера. Поднял глаза вверх, на облупившийся герб дворянского рода на фронтоне. Герб выглядел так, будто его вчера начистили зубным порошком.

Участковый медленно убрал ручку. Сложил пустой бланк пополам и сунул обратно в планшет.

— Знаете, что, — хрипло сказал он, снимая фуражку и приглаживая влажные волосы. — Пишите свои жалобы в управу сами. Мне лень. У меня смена заканчивается через час, а мне еще рапорт на имя генерала писать, почему половина города осталась без горячей воды посреди лета. Скажу, что инопланетяне тарелку посадили на коллектор. Всё равно никто не проверит. Все сейчас на снегу фотографируются для лайков.

Он прошел мимо хозяев в холл, оставляя на паркете мокрые следы.

— Баранки несите. И сахару два куска. Без сахара я злой становлюсь, могу случайно заметить нарушение целости фундамента. А фундамент у вас, кстати, знатный. Монолит. Триста лет стоять будет. Если крышу вовремя перекроете.

Чай они пили на кухне. Бегемот, избавившись от намордника, ловко мазал баранки маслом, используя в качестве ножа саперную лопатку. Полицеймакин ел шумно, с удовольствием, расстегнув ворот форменной куртки. Рассказывал про внука, который пошел в первый класс.

Внезапно карман капитана издал звук лопающегося пузыря жвачки. Полицеймакин достал старенькую Nokia 3310. Посмотрел на экран. Лицо его вытянулось.

— Диспетчер, — пробормотал он в трубку. — Да… Где именно? Прямо перед зданием мэрии? Огромный? Рога спиралью закручены? Понял. Выезжаю.

Он вскочил, едва не опрокинув чашку.

— Извиняйте. Вызов. Козел забодал самокат мэра. Или мэр козла. Разбираются.

Уже в дверях, натягивая фуражку, он обернулся.

— Вы эта… если совсем туго станет, звоните. Участковый пункт тут за углом. Скажете, что от Полицеймакина. Пропустят. Хоть какая-то польза от этой работы…

Дверь захлопнулась. Через секунду во дворе материализовался мотоцикл Азазелло. Демон сидел за рулем, а позади него, вцепившись в демоническую косуху, сидел Иван Бездомный с гитарой за спиной.

— Нормальный мент попался, — оценил Азазелло, принюхиваясь. — Ни один нейролептик его не берет. Чист, как стеклышко. Даже взятки брать боится — говорит, у него ипотека в рублях, ему инфляция не страшна. Редкий типаж. Можно я его душу заберу? Лет через пятьдесят? Для коллекции.

— Нет, — отрезала Маргарита. — Он мой. Будет охранять периметр. Научу заполнять протоколы вызова Сатаны. Очень полезное умение в нашем районе.

Глава 10

Поэзия высоких давлений (Блок и вентиль)

Место действия: Подвальный этаж усадьбы, бывшая котельная.
Время действия: 14:30, четверг.

После визита участкового Полицеймакина в доме воцарилась обманчивая тишина. Обманчивая — потому что дом начал умирать от холода. Ледяная пробка в магистральном водопроводе ТЭЦ запустила цепную реакцию: остыли радиаторы особняка, замерзла вода в трубах канализации, а старинный чугунный котел системы «Вулкан», помнивший еще визиты императора Александра III на чай к прежним владельцам, покрылся изнутри толстой коркой прозрачного, звонкого льда.

Мастер стоял перед этим металлическим чудовищем, закутанный в две шали поверх свитера, и чувствовал себя патологоанатомом. Температура в подвале была минус пять. Дыхание вырывалось изо рта густыми белыми клубами.

— Азазелло предлагал плеснуть туда бензина и бросить спичку, — мрачно сказал Мастер, постукивая костяшками пальцев по гулкому боку котла. — Говорит, рванет красиво. Назовет это перформансом «Сожжение рукописей вместе с фундаментом».

Маргарита стояла рядом. На ней был рабочий комбинезон Бегемота, закатанный до колен, тяжелые ботинки и те самые рабочие перчатки со следами канифоли. Она держала в руках потрепанный томик стихов в мягкой обложке.

— Бензин не поможет, — спокойно ответила она. — Это физика отчаяния. Металл сжался от обиды. Его предали. Сначала его заменили газом, потом обещали цифровизацию, а теперь заставляют смотреть, как мы греемся от пауэрбанков. Он хочет внимания. Настоящего. Не утилитарного.

Она открыла книгу. Желтоватые страницы пахнули сухой пылью вечности.

— Серебряный век, Николай Иванович. Единственное время в истории России, когда метафора могла остановить пулю, а рифма лечила чахотку. Попробуем лечить им вашу сантехнику.

Котельная представляла собой готический собор индустриальной эпохи. Высокие сводчатые потолки поддерживали колонны из паровых труб. В углах висела паутина толщиной с бельевую веревку. Бегемот сидел на куче угля, завернувшись в брезент, и делал вид, что спит, но кончик его хвоста нервно подергивался в такт дыханию дома.

Маргарита откашлялась. Звук эхом отразился от мокрых кирпичных стен. Она начала читать негромко, почти интимно, обращаясь не к Мастеру и не к коту, а прямо к ржавому вентиляционному люку над топкой:

— Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет…

Голос ее изменился. Из него исчезли стальные нотки королевы бала, пропала усталость богемной дивы. Теперь это был чистый звук серебряного камертона.

Первая реакция дома была агрессивной. Где-то под потолком лопнула старая труба слива конденсата. Капля ледяной воды упала Маргарите точно за шиворот комбинезона. Она даже не вздрогнула.

— Умоляю, только не Бальмонта, — простонал Мастер, притопывая замерзающими ногами. — От его «Хочу быть дерзким» тут все окончательно окочурится от пошлости.

— Молчите! — шикнула она. — Вы профан. Блок — это структура. Это кристаллическая решетка тоски. Слушайте металл!

Она сделала шаг ближе к котлу. Положила ладонь в грубой перчатке на холодный манометр. Стрелка прибора, намертво застывшая на нуле, едва заметно дрогнула.

— О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

На слове «воплотить» произошло чудо локального масштаба.

Огромный главный вентиль подачи топлива, который Азазелло безуспешно пытался провернуть ломом три часа назад, издал протяжный скрежет. Это был не звук движения металла. Это был вздох. Старческий, мучительный вздох существа, которому напомнили о его молодости.

Тяжелое колесо вентиля самопроизвольно дернулось. Раздался щелчок, похожий на удар курка.

Из щелей в соединениях труб повалил густой белый пар. Но он не рассеивался холодом подземелья. Пар собирался под высоким потолком, уплотнялся, обретая форму. Сначала это были просто фигуры, похожие на облака. Затем они сложились в силуэт женщины в длинном платье с турнюром. Призрак бывшей хозяйки усадьбы укоризненно покачал головой и погрозил пальцем Бегемоту, который попытался лизнуть парообразную кисею.

— Работает, — прошептал Мастер, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. — Маргарита, осторожнее. Ты сейчас вызовешь сюда всю родословную этого кирпича.

Но Маргарита уже вошла в транс. Ее голос набрал силу, заполняя всё пространство вибрирующей энергией первозданного слова. Она перешла на стихи Цветаевой — рваные, электрические, способные резать стекло:

— Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет…

Кирпичные стены задрожали. С потолка посыпалась штукатурка. Огромный стальной бак для нагрева воды, стоявший в углу и покрытый слоем вековой грязи, внезапно издал низкий, утробный гул. Гул перешел в вибрацию. Вода внутри бака, превратившаяся в монолитную ледяную глыбу, начала резонировать. Треск пошел такой, будто стреляли из пулемета.

Лед раскололся. Миллионы острых осколков осыпались на бетонный пол с сухим шелестом.

В ту же секунду Маргарита выкрикнула последнюю строчку, вкладывая в нее всю ярость своего полета на метле, всей своей любви и ненависти к бюрократам:

— Взорвут, как годовые поезда!

БА-БАХ!

Это не был взрыв котла. Это был гидравлический удар красоты.

Струя кипятка под колоссальным давлением вырвалась из очищенного теплообменника, ударила в трубу обратки, согнув толстый чугун под углом в сорок пять градусов, но при этом чудесным образом заварив трещину, которая там находилась с тысяча девятьсот двенадцатого года.

Температура в подвале мгновенно прыгнула до плюс двадцати пяти. Влажный, горячий воздух пах озоном и типографской краской.

Пар вокруг призрачной дамы вспыхнул радугой и рассеялся. Котел загудел ровно, сыто, как лев после удачной охоты. Манометр качнулся раз, другой, и уверенно пополз вправо. Две атмосферы. Три. Четыре. Зеленая зона.

Наступила звенящая, горячая тишина. Только капли горячей воды падали с изогнутой трубы в лужу на полу. Кап. Кап. Кап.

Маргарита опустила руку. Книга выскользнула из ослабевших пальцев и упала в растаявшую лужу. Девушка пошатнулась. Мастер едва успел подхватить ее, сорвав с себя одну из шалей, чтобы укрыть плечи.

— Тише, тише, королева, — забормотал он, прижимая ее к себе. — Ты сожгла слишком много калорий. На тебе лица нет.

— Лицо на месте, — слабо улыбнулась она, пряча ледяные руки у него на груди. — А вот душа требует водки. Или хотя бы грога. Читать Цветаеву демонам ЖКХ — это тяжелее, чем управлять истребителем. У нее ритм неправильный для центробежных насосов. Насос чуть инфаркт не схватил.

Бегемот слез с кучи угля. Он подошел к котлу, уважительно похлопал его лапой по теплому боку.

— Хороший мальчик, — проурчал кот. — Вот что значит культурное обращение. Азазелло твой лом хотел использовать, дикарь. А ты ласку любишь. Рифму. Я тебя понимаю. Сам, бывает, после третьей порции валерьянки начинаю писать сонеты унитазам. Очень способствует проходимости фаянса.

Мастер посмотрел на свою спасенную жену, на покореженные, но работающие трубы, на грязные страницы книги, расплывающиеся в луже, и впервые за долгие годы рассмеялся. Громко, искренне, сбрасывая с плеч груз страха перед коллекторами, судьями и демонами.

— Мы живем в сумасшедшем доме, — сказал он счастливым голосом. — Нашего кота зовут Бегемот, наш дом обогревается поэзией самоубийц, а участковый носит свитер с оленями.

Он поднял Маргариту на руки. Она показалась ему невесомой, словно крыло того самого ворона, которым стал ее бывший муж.

— Пойдем наверх, — сказал он. — Нужно дописать главу, где Пилат получает уведомление о штрафе за парковку колесницы в неположенном месте. Кажется, у меня наконец появился правильный ритм.

Они пошли к лестнице, ведущей из теплого ада котельной обратно в промерзшие залы жизни. За их спиной старый котел «Вулкан» счастливо булькнул клапаном сброса давления и выбросил в трубу идеальное кольцо сизого дыма, точь-в-точь повторяющее профиль Анны Ахматовой.

Наверху, в кабинете Мастера, было тепло. Радиаторы ожили и тихонько пощелкивали, расправляя старые ребра. Но уют длился недолго. Прямо посреди дубового стола, заставив подпрыгнуть чернильницу и ноутбук, материализовался огромный рыжий кот с примусом в лапах. Он был одет в кепку-аэродром и белые парусиновые штаны.

— Горячую воду дали? — деловито спросил кот, принюхиваясь. — Отлично. Значит, можно начинать банкет. Мессир передает извинения, он задерживается на совещании в Кремле — консультирует отдел протокола по вопросам правильной посадки инфернальных сущностей на пресс-конференциях. А я прибыл принять объект. Меня зовут Фагот. Коровьев-Фагот.

Главный специалист по эстетике распада систем отопления. Где у вас тут розетка? Мне нужно подключить синтезатор, будем репетировать кантату для дворников. Зимний сезон обещает быть веселым.

Глава 11

Сандуны: Овощной апокалипсис и веник возмездия

Место действия: Номер высшего разряда в исторических банях «Сандуны». Время действия: 22:00, четверг.

Если котельная Мастера лечилась Блоком, то высшая бюрократия Москвы требовала более радикальной терапии — глубокого пропаривания с элементами инквизиции.

Воланд выбрал для Большого Бала не холодные залы Кремля и не цифровые серверные «Сбера», а самое сердце народной души — Сандуновские бани. Но это был не тот общий зал, где пахнет березовым листом и пивом. Это был выкупленный целиком приватный комплекс под стеклянным куполом, куда обычно водили президентов и шейхов перед подписанием нефтяных контрактов.

Когда Маргарита, Мастер и свита вошли внутрь через потайную дверь из женского отделения (Бегемот шел первым, прикрываясь тазиком), они замерли на пороге.

Под огромным мозаичным панно, изображавшим римскую оргию, стоял длинный стол из цельного мрамора. Вместо стульев были массивные полированные липовые пни. С потолка капала не вода, а мелкий, как рисовая пудра, снег — отголосок диверсии на ТЭЦ добрался даже сюда сквозь вентиляцию. Температура воздуха была градусов сорок пять — идеальная температура для медленного запекания греха.

Гостей было около дюжины. И ни один из них не сидел за столом. Они стояли. Вернее, лежали, висели и покоились на специальных стеллажах вдоль стен.

Министр цифрового развития Левий Бенгальский ныне представлял собой огромную тыкву сорта «Розовый банан» килограммов на сорок. Он лежал на животе, его бывший дорогой костюм лопнул по швам, а изо рта-стебля торчала веточка петрушки. На боку тыквы каллиграфическим шрифтом был выжжен QR-код[22] налоговой задолженности.

Рядом с ним, в деревянной шайке с ледяной водой, плавал председатель комитета по строительству мэрии. Он стал гладким, глянцевым кабачком цуккини. Из него пытались построить башенку, но конструкция постоянно разваливалась.

Самым тяжелым зрелищем был Министр культуры Корюшкин. Он превратился в гигантский корень хрена, узловатый, злой и источающий такие едкие фитонциды, что у Бегемота слезились глаза. Хрен-Корюшкин был обмотан пищевой пленкой, словно мумия, чтобы запах не распугивал официантов.

— Мессир недолюбливает людей, которые слишком серьезно относятся к своей значимости, — пояснил Азазелло, ловко орудуя дубовым веником, от которого валил пар. — Превратить их в животных — пошло. В насекомых — банально. А вот овощи… Это учит смирению. Попробуйте-ка подписать указ о сносе усадьбы, когда у вас вместо рук ботва, а голова трескается от переизбытка влаги.

В центре стола, на троне из чистого льда, восседал Воланд. После ночной вылазки он сменил рабочий комбинезон на белоснежную льняную простыню, обернутую на манер тоги. Его правый глаз снова горел желтым огнем, отражаясь в золотом кубке, наполненном чем-то густым и темным.

— Королева! — прогремел мессир, поднимая кубок. — Ты вовремя. Мы как раз обсуждаем меню десертов. Что будем делать с этим картофелем? — он кивнул на бывшего главу

[22] QR-код (Quick Response — «быстрый ответ») — это двумерный штрихкод

Департамента ЖКХ, который уныло прорастал глазками в углу. — Запечем или сделаем фри? Фри вредно для фигуры гостей, а запечь… нет хорошей духовки.

Маргарита сбросила тяжелый плащ из шиншиллы прямо на пол. Под ним оказалось платье из черного бархата, которое казалось абсолютно сухим в этом влажном аду. Она подошла к столу, взяла со специальной подставки серебряный скальпель для устриц и задумчиво постучала им по краю блюда, на котором возлежала огромная брюссельская капуста — всё, что осталось от помощника прокурора города.

— Оставьте капусту, мессир, — ровным голосом сказала она. — У нее есть шанс стать человеком после шоковой заморозки. А вот этих, — она обвела взглядом оранжерею министров, — пора подавать к столу. Накормим ими Фонд президентских грантов. Пусть переварят собственную цифровизацию.

Мастер подошел к жене. От жара его щеки раскраснелись, волосы завились мелкими кольцами. Он выглядел помолодевшим лет на десять. В руках он держал ту самую печатную машинку «Ундервуд», которую каким-то чудом прихватил из дома. Клавиши-черепа тускло поблескивали в свете канделябров.

— Я нашел ритм, — тихо сказал он Воланду. — Пока ты мариновал свеклу, я понял финал. Понтий Пилат умирает не от старости. Он умирает от невозможности нажать кнопку «Отмена подписки» на сервис облачного хранения данных империи. Техническая поддержка Рима отвечает ему только гекзаметром. Это смешно и страшно.

— Вот! — воскликнул Воланд, стукнув кубком по льду так, что пошла трещина. — Искусство должно быть неудобным! Эти господа, — он махнул рукой в сторону овощных полок, — хотели сделать искусство удобным. Чтобы оно умещалось в смартфоне, приносило кэшбэк и не мешало пилить бюджет. За это природа мстит им ботаникой. Фермеры поймут.

Фагот-Коровьев, одетый почему-то в белый поварской колпак и фартук с надписью «Покорми меня, если сможешь», катил к столу сервировочный столик. На нем стояла огромная супница.

— Борщ суточный! — торжественно объявил он, снимая крышку. Из-под облака пара показалась человеческая рука, сжимающая папку с документами. — Прошу любить и жаловать. Заместитель префекта Центрального округа. Варился вместе с лавровым листом совести. Очень хрустит на зубах.

Азазелло закончил работать веником. Теперь министры-тыквы лежали на решетке над каменкой. Их кожица начала покрываться золотистой корочкой. Запахло печеным гарбанзо и коррупцией.

— Может, хватит гастрономии? — поморщилась Гелла. Она сидела тут же, на подоконнике, делая педикюр когтистой лапке пилочкой для ногтей. — От этого холестерина у меня крылья тяжелеют. Давайте устроим культурную программу. Иван обещал прийти. У него новый альбом вышел. Называется «Евангелие от Битов».

Не успела она договорить, как тяжелая дубовая дверь парилки с грохотом распахнулась.

На пороге стоял поэт-репер Бездомный. Мокрый, растрепанный, в одной простыне, завязанной узлом на плече, как у античного оратора. В руках он держал гитару, подключенную к крошечному портативному усилителю. За его спиной маячил понурый Матвей Бенгальский, ныне исполняющий роль суфлера-привидения.

Зазвучал бит. Глубокий, вибрирующий бас, пропущенный через дисторшн, заставил задребезжать стекла в окнах.

Иван ударил по струнам и шагнул в центр зала, прямо между тушей министра-свинины и головой профессора-картофеля:

— Йоу! Слушайте все, от холопа до князя! / Система сгнила, отвалилась проказа! / Вы строили Сити до самых небес, / Но ваш цифровой концлагерь исчез!

Он сделал классический жест рэперов, наклонив микрофон (которым служил огурец) вниз.

— Я видел код бытия, там баг на баге! / Архитектор вселенной сидит в общаге! / Он пишет скрипт мира на мертвом питоне, / А мы просто мясо в салате у трона!

Воланд слушал, откинувшись на ледяном троне. По его лицу медленно расползалась улыбка чеширского кота.

— Рифма слабовата, — заметил он, когда Иван взял паузу, чтобы хлебнуть кваса из ковша. — «Князя-проказа» — это уровень районной стенгазеты. Но энергия… Энергия первобытная. Как у того самого поэта, который кричал про осетрину второй свежести. Мне нравится. Продолжай, мальчик. Только добавь больше метафизики. Обличать чиновников скучно. Обличай саму энтропию Вселенной. Импровизируй!

Иван кивнул. Его глаза закатились. Простыня сползла, обнажив татуировку во всю грудь — портрет Булгакова, набивающий текст на ноутбуке. Бит изменился, став тягучим, почти церковным.

— Туман над рекой, это не климат суровый! / Это сервер Всевышнего падает снова! / Перезагрузка реальности, синий экран! / Ваш паспорт РФ — это просто обман!

В этот момент раздался звук, похожий на выстрел пробки от шампанского.

Министр-строитель Кабачок не выдержал температуры. Его глянцевая кожа лопнула с громким хлопком, выпустив облако перегретого пара и семечек. Официант-грач бросился вперед с серебряной лопаточкой, чтобы спасти блюдо от пересыхания.

— Браво! — крикнул Воланд. — Сто миллионов просмотров обеспечено! Азазелло, законсервируй этот взрыв вкуса. Добавим в клип Ивана спецэффект. Будет называться «Горячий фит с министром».

Мастер быстро застучал по клавишам машинки. Череп грусти клацал особенно громко.

— Идеально, — бормотал он себе под нос. — Пилат смотрит на казнь Иешуа, а видит прямую трансляцию в Periscope. Толпа ставит лайки. Лонгин заносит копье, чтобы поставить дизлайк. Это конец истории. Или ее начало.

Маргарита подошла к Ивану, положила руку ему на мокрое плечо. Бит мгновенно стих.

— Тише, Ваня, — мягко сказала она. — Не буди их раньше времени. Пусть хорошенько потомятся в собственном соку. Нам еще ипотеку платить, а денег «Фонда Берлиоза» хватит только на год. Придется тебе завтра давать благотворительный концерт в Министерстве финансов. Там много жирных карасей, клюют на любую наживку.

Она посмотрела на Воланда. Тот медленно кивнул, допивая свой напиток. Кубок опустел, но остался полным густой черной тени.

— Бал окончен, — произнес мессир. — Ужин подгорел, поэзия перешла в прозу счетов за газ. Пойдемте, друзья мои. Нас ждет рассвет. Настоящий рассвет, без фильтров Instagram[23]. Нужно успеть домой, пока Котлован Управления Капитального Строительства не прислал нам уведомление о неправильной парковке метлы Бегемота. Штрафы сейчас зверские.

Они начали выходить из парилки обратно в прохладный предбанник. Последним выходил Азазелло. Он задержался на секунду, посмотрел на шкворчащие овощи профессиональным взглядом шеф-повара ада, достал из кармана флакон с подсолнечным маслом и капнул ровно одну жирную желтую каплю на затылок Министра-Тыквы.

Раздалось тихое шипение. Кожица пошла пузырями.

— Для корочки, — удовлетворенно кивнул демон и плотно закрыл за собой дубовую дверь.

Свежий воздух июльской ночи ударил в лицо, отрезвляя лучше нашатыря. Снегопад прекратился. Москва снова дышала жаром асфальта и вонью выхлопных газов. У подъезда «Сан-

[23] Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

дунов» стояло обычное городское такси эконом-класса Kia Rio с логотипом «Яндекс». За рулем сидел грач в кепке и курил электронную сигарету.

— Садитесь, граждане, — каркнул он, открывая багажник. — Пробки адские. На Тверской опять кортеж вице-премьера перевернулся. Говорят, везли санкционные персики, теперь вся улица скользкая. Пристегнитесь, подвеска у меня демоническая, душу вытряхивает на поворотах.

Машина тронулась, растворяясь в потоке фар. Где-то высоко над крышами особняка в Басманном районе пролетела одинокая искра, оставляя за собой дымный след запаха типографской краски и вечности.

Глава 12

Уведомление о выселении (Эфирное правосудие)

Место действия: Библиотека усадьбы, переоборудованная в столовую. Время действия: 07:30 утра, пятница.

Утро пахло озоном, мокрой штукатуркой после ночного ремонта труб и бергамотом. В огромном камине, который Азазелло лично прочистил от векового пепла с помощью небольшой управляемой молнии, уютно потрескивали дрова.

Мастер и Маргарита сидели за тяжелым дубовым столом. Мастер был облачен в бархатный халат бордового цвета, найденный в сундуке вместе с привидением купчихи. Маргарита куталась в оренбургский платок, который Бегемот по ошибке чуть не превратил в половую тряпку. Между ними стоял старинный тульский самовар, сияющий медным боком. На тарелках лежали горячие слоеные круассаны — результат утренней вылазки Коровьева в лучшую кондитерскую Парижа через портал под ванной.

— Я всё думаю про Пилата, — нарушил тишину Мастер, намазывая круассан маслом. — Если мы перенесем действие в современность, у него должна быть мигрень не от римского солнца, а от синего света монитора. И вместо верного пса Банги у него должен быть мопс по кличке Депозит, страдающий ожирением и тревожным расстройством.

Маргарита улыбнулась, отпивая чай из кузнецовской чашки тонкого фарфора. Впервые за долгие месяцы ее глаза не казались усталыми. Усадьба принимала их. Скрип паркета больше не звучал как жалоба, он звучал как приветствие.

— Мопс Депозит… Это прекрасно, Николай Иванович. Но ты забыл главное. Ему будут приходить уведомления от «Госуслуг». «Ваше решение о казни Иешуа обжаловано прокуратурой Небесной Канцелярии. Назначено слушание». Он будет пытаться нажать кнопку «Оспорить», но сенсор планшета не сработает, потому что на нем лежит капля крови…

Она не успела договорить.

Пространство над центром стола пошло рябью, словно поверхность воды, в которую бросили камень. Воздух запах озоном настолько сильно, что у Мастера защипало в носу. Круассан в его руке замер. Медный краник самовара покрылся инеем.

Из пустоты начала формироваться фигура. Сначала это была просто сетка координат, затем она обросла полигонами текстур низкого разрешения, напоминая персонажа старой компьютерной игры. Наконец, перед ними материализовался человек среднего роста в форменной куртке темно-серого цвета.

Он не дышал. Его ноги не касались пола — дорогие туфли висели в сантиметре над истертыми досками. Сквозь грудь призрака можно было увидеть каминную решетку. Это была голограмма идеального качества, транслируемая прямо в зрительный нерв присутствующих.

На груди голограммы светился бейдж: «ГССП[24] России. Судебный пристав-исполнитель. Модель v.4.6 „Беспощадный“».

Пристав моргнул. Звук при этом раздался такой, какой бывает при загрузке тяжелого обновления Windows.

— Доброе утро, пользователи недвижимости, — произнес голос. Он был лишен интонаций, состоял из чистого цифрового синтеза, но в нем слышалось шуршание миллионов бумажных исполнительных листов. — Говорит старший лейтенант эфемерной службы Приши-

[24] Государственная Служба Судебных Приставов

беев. Проводим плановое списание кармической задолженности и имущественных налогов. Вы Мастер? Левая рука, сосудистые прожилки, уровень стресса девяносто восемь процентов. Подтвердите биометрию.

Пристав протянул вперед свою полупрозрачную руку. Вместо ладони у него был встроенный сканер сетчатки глаза, светящийся красным.

Маргарита медленно поставила чашку на блюдце. Фарфор звякнул так громко, что заглушил бы вой сирены.

— По какому праву Вы вторгаетесь в частное владение без санкции Воланда? — холодно спросила она.

Алгоритм пристава на секунду завис. Красная лампочка на глазу замигала желтым — ошибка обработки нестандартного запроса.

— Запрос отклонен, — отчеканил голограмма. — Субъект «Воланд» не числится в реестре собственников Росреестра. Основание владения данным объектом культурного наследия признано ничтожным ввиду отсутствия электронной подписи продавца-Ирода Великого. Согласно Постановлению Правительства Москвы №485-ПП «О цифровизации полтергейста», все духи должны иметь аккаунт на mos.ru. У вашего домового учетная запись заблокирована за спам.

Азазелло, стоявший до этого момента неподвижно, как статуя, в тени книжного шкафа, сделал шаг вперед. Простыня, в которую он был завернут, распахнулась, обнажив мускулистый торс. Демон взял со стола серебряную вилку для лимона.

— Слышь, пиксель, — лениво процедил он, подбрасывая вилку в воздухе. — Ты сейчас глюк или реально пришел штраф выписывать?

— Предупреждение! — взвизгнул пристав, и его разрешение внезапно упало до уровня графики PlayStation 2. — Угроза государственному служащему при исполнении! Начинаю протокол изъятия имущества! Трехмерное сканирование помещения… Ошибка. Стены поглощают лучи лидара. Переключаюсь на акустическое прощупывание…

В библиотеке поднялся ветер. Книги начали сами собой вылетать с полок. Пристав начал мерцать, пытаясь обработать объем данных этой усадьбы. Для программы, созданной чтобы арестовывать долги за парковку и неоплаченные штрафы ГИБДД[25], осознание бесконечности библиотеки Остермана-Толстых было равносильно попытке разделить на ноль.

Мастер вдруг рассмеялся. Тихо, потом громче. Он встал из-за стола, подошел вплотную к голограмме. Фигура пристава дергалась, проходя сквозь рукав халата писателя и выходя из спины.

— Вы хотите забрать мой дом? — спросил Мастер, глядя в красный сканер-лазер. — Забирайте. Только сначала ответьте мне на один вопрос. Какова кадастровая стоимость одиночества? Сколько стоит квадратный метр вдохновения в историческом центре? Ваша система может оценить паркет, которому двести лет, но можете ли Вы начислить пени за то, что здесь впервые за десять лет человеку стало спокойно спать?

Он щелкнул пальцами прямо перед носом-голограммой. Раздался звук лопнувшей лампочки. Изображение пристава зарябило, покрылось зелеными артефактами матрицы.

— Вопрос… выходит… за рамки… протокола… — прохрипел синтезированный голос. — Требуется… доступ… к Wi-Fi… роутеру… для связи… с сервером Ада… обновлений…

Маргарита поднялась. Платок соскользнул с ее плеч на пол. Она подошла к мужу и взяла его за руку. Там, где они стояли рядом, воздух начал сгущаться, превращаясь в непроницаемый щит.

— Передай своему коду, Пришибеев, — сказала королева ночи, и ее голос заставил саму голограмму пригнуться. — Что этот дом защищен Законом об Авторском Праве. Каж-

[25] Государственная инспекция безопасности дорожного движения

дая трещина в этой стене, каждая паутина и каждый вздох автора являются интеллектуальной собственностью Вечности. Попытка взыскания приведет к форматированию ваших серверов ангельским огнем. Свободен.

Она сделала пасс рукой, словно закрывая окно Windows.

— Alt+F4[26], — прошептала она.

Раздался оглушительный цифровой визг. Голограмма пристава схлопнулась внутрь себя, втягиваясь в точку ровно посередине лба Мастера, а затем исчезла с легким запахом паленой проводки.

На антикварном персидском ковре осталась лежать только одна вещь — маленькая черная флешка стандарта USB-C[27], выполненная в форме человеческого зуба.

Тишина вернулась. Было слышно только, как потрескивают дрова в камине и тяжело дышит Азазелло, которого забавляла эта бюрократическая магия.

Мастер посмотрел на флешку, затем на жену.

— Кажется, я знаю, чем заканчивается роман, — тихо сказал он. — Прокуратора отключают от системы жизнеобеспечения за неуплату абонентской платы нейроинтерфейса. Человечество переходит на предоплаченные тарифы любви. Лимит — три чуда в месяц. Остальное за дополнительную плату.

Маргарита подобрала платок и снова укутала им плечи. Ее лицо было бледным, но довольным.

— Ставь чайник, писатель, — улыбнулась она. — У нас осталось всего двадцать глав. И судя по тому, что ГССП[28] научилась ходить сквозь стены, суббота обещает быть очень жаркой. Нужно успеть дописать сцену бала до того, как они пришлют спецназ с лицензией на экзорцизм.

Не успела Маргарита закончить фразу, как входная дверь особняка содрогнулась от удара такой силы, что с потолка посыпалась свежая побелка. Дверной звонок, имитирующий бой курантов, издал звук трескающегося гранита.

— Служба дезинфекции! — прогремело из-за двери голосом, похожим на рык медведя, играющего на бас-гитаре. — Обработка помещений от несанкционированных сущностей согласно графику ЖКХ! Откройте немедленно, иначе будем вскрывать замок автогеном! У меня наряд-заказ подписан самим Люцифером Аркадьевичем!

Бегемот выглянул из кухни, дожевывая круассан.

— Спецназ Сатаны, — констатировал кот. — Пришли проверять счетчики на грех. Ну наконец-то. А то пыли накопилось — ужас. Хозяйка, пылесос достать?

---

[26] В операционных системах Windows используется для закрытия активного окна

[27] USB Type-C («тайп си») — это современный универсальный разъём

[28] Государственная Служба Судебных Приставов

Глава 13

Пени за бессмертие (Договор оферты с кровью)

Место действия: Парадная гостиная усадьбы. Время действия: 08:15 утра, пятница.

Звонок-колоколец умолк, но эхо его удара всё еще металось между стен, заставляя дрожать хрустальные подвески давно погасшей люстры. Бегемот перестал жевать круассан и насторожил уши, похожие на два черных бархатных вареника. Азазелло молниеносным движением спрятал вилку для лимона в рукав и плавно перетек из расслабленной позы у камина в боевую стойку, прикрывая собой Мастера.

Маргарита поправила платок, который мгновенно превратился обратно в тяжелое суконное пальто шинельного кроя. Ее глаза снова стали холодными и прозрачными, как лед над весенней рекой.

— Войдите, — произнесла она ровным голосом, не повышая тона. — Мы не запираем дверь тем, кто приносит счета. Это плохая примета — можно спугнуть удачу.

Тяжелые дубовые створки распахнулись сами собой, даже не скрипнув хорошо смазанными петлями. В проем хлынул запах озона, дорогой кожи и канцелярского клея.

На пороге стояли трое. Они были одеты в безупречные темно-серые костюмы-тройки, которые стоили дороже годового бюджета министерства цифрового развития. На ногах — лакированные оксфорды, отражающие пламя камина. Но главным был их цвет. Кожа визитеров имела оттенок старой офисной бумаги, пролежавшей под прямым солнцем лет десять.

Вперед выступил высокий субъект с залысинами, переходящими в аккуратный роговой бугорок на затылке. Он держал перед собой кожаный портфель крокодиловой кожи так, словно это был щит.

— Доброе утро, Маргарита Николаевна, Николай Иванович, — голос демона звучал как шелест переворачиваемых страниц договора мелким шрифтом. — Позвольте представиться. Астарот Вельзевулович Дебетов. Старший партнер коллекторского агентства «Ад Инкорпорейтед». Это мои ассистенты, — он кивнул на двух безликих спутников. — Специалисты по взысканию дебиторской задолженности мистического профиля. Можем мы пройти? Разговор конфиденциальный. УНП вашей сделки требует уточнения.

Азазелло преградил путь, скрестив руки на груди.

— Никаких кредитов мы не брали, — рыкнул он. — Если ваш отдел маркетинга опять спутал нас с Иваном Бездомным, то парень сейчас в топе чартов, пусть сам разбирается со своими лейблами. Валите в астрал.

Демон-юрист Астарот тонко улыбнулся. От этой улыбки обои в стиле модерн на стене пошли пузырями.

— Речь не о кредите, уважаемый… гражданин. Речь об Акте Спасения Души №666-БИС от вчерашнего числа. Вы воспользовались нашими премиальными услугами экстренного вмешательства в реальность третьего рода. ТЭЦ-12, модификация погоды, трансформация должностных лиц в корнеплоды согласно тарифу «Преисподняя-VIP». Согласно пункту 4.2 Пользовательского соглашения, которое Вы приняли при входе в сделку…

Астарот щелкнул пальцами. Один из ассистентов тут же шагнул вперед и протянул Маргарите планшет iPad Pro последней модели. Экран светился текстом кроваво-красного цвета.

— …услуги оказываются на условиях постоплаты в течение двадцати четырех часов, — продолжал журчать юрист, пока Маргарита бегло просматривала бесконечный список пунк-

тов. — Срок истекает через сорок минут. В случае неоплаты вступают в силу штрафные санкции. Пеня составляет одну неприкаянную душу за каждый час просрочки. Плюс судебные издержки. Наш юридический отдел уже готовит иск в Небесную Канцелярию. Поверьте, они очень дотошны к оформлению накладных на чудеса.

Мастер подошел ближе, кутаясь в халат. Он выглядел бледнее обычного.

— Какая еще душа? — вмешался он. — Я писатель! Моя душа принадлежит тексту! Там черным по белому написано в метафизическом реестре…

— Текст аннулирован приложением «Мелкий шрифт», — отрезал Астарот. — Посмотрите пункт 144 приложения номер восемь тысяч двести тридцать четыре. «В случае использования магии уровня „Божественное вмешательство“ для решения бытовых проблем клиента (отопление, налоги, давление), клиент обязуется передать Исполнителю исключительные права на использование образа клиента в мерчендайзинге».

Юрист открыл портфель. Внутри, вместо бумаг, лежали образцы продукции: маленькие фигурки Воланда из прессованного пепла, кружки с надписью «Моя девушка ушла к Сатане, верните алименты» и футболка с портретом Мастера и слоганом «Я написал шедевр, и всё, что я получил — этот уютный кардиосклероз».

— Мерч нам не нужен, — процедила Маргарита, возвращая планшет ассистенту. Тот растворился в воздухе вместе с устройством. — Что конкретно входит в сумму долга? Нам выставили счет за сырники?

— Сырники включены в комплимент от шеф-повара Преисподней, — сухо ответил Дебетов. — Основная статья расходов — амортизация реальности. Когда Вы читаете стихи Серебряного века чугунному котлу, чтобы запустить систему отопления, Вы нарушаете Второе Начало Термодинамики. Чтобы закрыть эту дыру в физике, нашим инженерам пришлось перенаправить поток вероятностей из сектора соседней галактики. Соседняя галактика теперь немного пуста. И ее представители прислали нам претензию. Мы перекладываем эти расходы на вас. Итого: спасение усадьбы, заморозка пристава ГССП[29], организация банкета в Сандунах, моральный ущерб министру-кабачку…

Он достал из внутреннего кармана пиджака маленький золотой калькулятор и быстро пробежал по кнопкам длинными узловатыми пальцами.

— С учетом НДС… Восемнадцать миллионов четыреста тысяч условных единиц благодати. Или эквивалент в человеческих амбициях. У вас есть кэш?

Наступила тишина. Было слышно только, как трещат поленья в камине и тяжело сопит Бегемот, выглядывающий из-за портьеры.

Мастер посмотрел на Маргариту. Она смотрела на юриста. В ее взгляде не было страха. Только холодный расчет хозяйки дома, к которой пришли слишком наглые коммивояжеры.

— У нас нет души на продажу, — наконец сказала она. — Наша душа находится в эксклюзивной аренде у мессира Воланда до конца времен. Все претензии адресуйте ему. Вот его контакт.

Она подошла к бюро, взяла тяжелый бронзовый колокольчик эпохи Павла I и позвонила в него один раз.

Звук этого маленького колокольчика не мог быть громким. Но когда он затих, выяснилось, что во всем мире наступила абсолютная тишина. Умолк гул машин на улице. Перестали тикать часы. Даже огонь в камине замер, застыв языками пламени в пространстве.

Фигура юриста Астарота начала дергаться. Его идеально сидящий костюм вдруг покрылся плесенью и пылью веков. Лакированные туфли потрескались. Из-под кожи на лице проступили древние шумерские письмена долговых обязательств.

---

[29] Государственная Служба Судебных Приставов

— Контакт… не найден… — прохрипел демон. Его голосовое меню зависло. — Номер… заблокирован… абонентом…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.